

HAL
open science

УЛИЧИ

Michel M Kazanski, Constantin Zuckerman

► **To cite this version:**

| Michel M Kazanski, Constantin Zuckerman. Уличи. *Palaeoslavica*, 2017, 25 (2), pp.1-37. <hal-03939801>

HAL Id: hal-03939801

<https://hal.science/hal-03939801>

Submitted on 3 Feb 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

PALAEOSLAVICA

XXV / 2017

NO. 2

Cambridge — “Palaeoslavica” — Massachusetts

Palaeoslavica

*International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature,
History, Language and Ethnology*

VOLUME 25, no. 2 - 2017

Editor:

ALEXANDER B. STRAKHOV
Harvard Ukrainian Research Institute

Editorial Board:

SIMON FRANKLIN — *Clare College, University of Cambridge*

MARIA MAVROUDI — *University of California, Berkeley*

HANS ROTHE — *Universität Bonn*

KRASSIMIR STANTCHEV — *Università degli Studi "Roma Tre"*

OLEKSIY TOLOCHKO — *Institute of Ukrainian History, Ukrainian Academy of
Sciences*

*The editors assume no responsibility for
statements of fact or opinion made by contributors.*

Manuscripts, correspondence and subscriptions should be sent to:

PALAEOSLAVICA
P.O.Box 380863
Cambridge, MA 02238-0863
U.S.A

e-mail: palaeoslavica@gmail.com

fax: +781.289.0301

website: www.palaeoslavica.com

ISSN — 1070-5465

TABLE of CONTENTS

Volume XXV, no. 2

ARTICLES / СТАТЬИ

Михаил Казанский (Париж)

Константин Цукерман (Париж)

Уличи 1-37

Mari H. Isoaho (Helsinki)

Battle for Jerusalem in Kievan Rus':

Igor's Campaign (1185) and the Battle of Hattin (1187) 38-62

Татьяна В. Анисимова (Москва)

Фрагменты *Послания митрополита Климента Смолятича
к пресвитеру Фоме* в Тихонравовском хронографе и

библейском Сборнике Троице-Сергиева монастыря 63-79

Nick Mayhew (Cambridge, UK)

Banning 'Spiritual Brotherhoods' and Establishing Marital Chastity

in Sixteenth- and Seventeenth-Century Muscovy and Ruthenia 80-108

Ирина Б. Качинская (Москва)

Народная эротика в эвфемизмах

(по материалам архангельских говоров)

Часть 1. Женские половые органы 109-137

PUBLICATIONS / ПУБЛИКАЦИИ

Vesna Badurina Stipčević (Zagreb)

The Apocalypse of John in the 14th century Croatian Glagolitic

Vatican Illirico 5 Breviary 138-165

Ирина Барклай (Boone, North Carolina)

Новгородская винная и пивная книга

текущих счетов и расходов 1612 года 166-177

Геннадий И. Лопатин (Ветка, Белоруссия)

Традиционная культура

деревни Старое Закружье Ветковского района:

I. Прасковья Сергеевна Кужельная 178-228

SPECULUM

Татьяна Л. Вилкул (Киев)

«Преже сихъ 4 лѣтъ» 1096 г.

Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя

Повести временных лет 229-247

Charles J. Halperin (Bloomington, Indiana)

Sergei Soloviev's Ivan IV in Translation 248-263

MISCELLANEA / СМЕСЬ

Василий В. Калугин (Москва)

Поп Упырь Лихой — книгописец

князей Святополка и Владимира Ярославича 264-270

Тимофей Насенник (Минск)

К истории этимологии лексемы *волынка* 271-287

Александр Б. Страхов (Бостон)

О глаголе *волынить(ся)*,

его семантических и словообразовательных связях

(замечания редактора) 288-291

Михаил Казанский (Париж)
Константин Цукерман (Париж)

Уличи

*Глебу Юрьевичу Ивакину —
к семидесятилетию*

Бедно освещенная в письменных источниках история племени уличей породила обширную литературу, от В.Н. Татищева до наших дней. Недавний историографический обзор, составленный Р.А. Рабиновичем (2005), дает подробное о ней представление. История уличей писалась изначально на основе, главным образом, летописных данных, а за последние полстолетия и более эстафета перешла к археологам. Однако попытка определить для уличей свою собственную археологическую идентичность, восходящую к «славянской» черняховской культуре и уругундам, а также к древностям круга Вознесенки (Рыбаков 1950), убедительного результата не дала. В результате уличи влились в обширную славянскую археологическую культуру правобережья Днепра, называемую Лука-Райковецкая, включающую и древлян, возможно также полян, и других, не говоря уж о тиверцах (о них речь пойдет особо). Все же, что может характеризовать внутри этой общности собственно уличей, извлекается из небогатых письменных источников, причем археологи берут на себя неблагоприятную роль их толкователей.

Наблюдаемый ныне всплеск интереса к истории древнейшего летописания никак не облегчает эту роль. Те представления о летописных источниках, зачастую столетней и более давности, что отложились в литературе об уличах, во многом устарели. Никто уже, например, не станет сопоставлять как равноценные свидетельства ранних и поздних летописей, что не редкость в старых работах. Ширится признание многослойности текста *Повести временных лет*. Однако несомненный прогресс в области изучения летописей не означает выработки единого взгляда. Разногласия между историками летописания остры как никогда, они касаются как общей оценки источников, так и конкретной интерпретации летописных известий. Любое положительное утверждение об уличах (да и не только о них), основанное на летописи, не может не строиться на четко выраженных текстологических посылках.

Подобная ситуация требует разделения труда, впервые осуществленного в настоящей работе. Данные археологии представлены в ней М. Казанским, а письменных источников К. Цукерманом. Последний добавил и краткое заключение. Каждый из авторов несет ответственность за свою часть. Результаты нашей работы, посвященной ближайшим соседям и бывшим соперникам Киева, мы предлагаем вниманию юбиляра в ознаменование нашей более чем сорокалетней и более чем двадцатилетней дружбы.

I. Уличи в письменных источниках

Историческая достоверность летописных сообщений о славянских «племенах» (термин этот, принятый в научной литературе, в летописи к славянам не применя-

ется) ставится иногда под сомнение в целом, с указанием на разрыв в 100-200 лет и более между датированными упоминаниями о них в ПВЛ и временем создания самой летописи (Данилевский 2014). Однако, как верно возразил А.С. Щавелев (2015, 104-106), столь глобальный скептицизм возможен лишь при пренебрежении показаниями трактата «Об управлении империей» (*De administrando imperio*, ниже DAI), где названа немалая часть восточнославянских племен, известных по летописи. Данные этого трактата, составленного в 949-952 гг. под эгидой императора Константина VII Багрянородного на основе современных свидетельств,¹ будут рассмотрены ниже, равно как и единственное дополнительное свидетельство об уличах, которое содержит так называемый Баварский географ. Но основным нашим источником остаются, конечно, летописи.

Набор известий об уличах полностью разнится в двух наличных изложениях древнейшей русской истории: *Новгородской первой летописи младшего извода* (НЛ мл.) и *Повести временных лет* (ПВЛ). Случай этот нечастый, так как исследователи летописания при всех разногласиях сходятся на том, что в основе обеих летописей лежит единый источник. Таким образом, редкие известия об уличах обретают интерес для филолога как показатель соотношения между двумя летописными текстами. Определение обстоятельств появления (или исчезновения) того или иного известия в ходе становления летописной традиции важно и для историка, так как оно позволяет более четко оценить историческую достоверность данного известия. Именно этой цели и служит предлагаемый текстологический анализ. Предупреждаю, однако, читателя-историка, что по ходу разбора известий он столкнется с явлением многослойности летописного текста на новом уровне сложности. Мы проследим, как элементы повествования переходят из слоя в слой, меняя контекст, а зачастую и смысл. Понятие исторической достоверности условно сводится в нашем случае к определению изначального текста, контекста и смысла. Трудно, конечно, поручиться, что самый первый источник, описавший события, вошедшие в летопись, был досконально о них осведомлен. Но трудно и

---

¹ В вопросе о датировке DAI, давно и однозначно разрешенном на основании внутренних данных текста, возникла за последнее время некоторая путаница. Дж. Ховард-Джонстон усмотрел в составе трактата некое «историко-дипломатическое ядро», посвященное северным народам и восходящее ко времени правления императора Льва VI (Howard-Johnston 2000). На беспочвенность этой гипотезы справедливо указал С.А. Козлов (2012), но тут же выдвинул свою собственную, ничуть не более обоснованную, о некоем источнике, якобы специально посвященном печенегам и восходящем к 910-920 гг. Ничто, однако, среди данных DAI о печенегах не противоречит их датировке 940-ми гг., и измышлять для них отдельный источник нецелесообразно. А.С. Щавелев (2015, 106-107) датирует вслед за С.А. Козловым сведения гл. 37 DAI, касающиеся как печенегов, так и славян, «10-20 гг. X в.», а для трактата в целом указывает, что его «окончательная редакция датируется 952-959 гг.», никак это положение не обосновывая. Таким образом, датировка сведений DAI о славянах и руси растягивается в представлении исследователя на полстолетия, с 10-х по конец 50-х годов X в. Но никаких оснований к этому нет — материалы для трактата собирались в конце 940-х гг., и все его известия прекрасно вписываются в этот контекст (Sorlin 2000); подробнее о составе и хронологии DAI см. мою работу в печати (Zuckerman 2017). Статья А.С. Щавелева стала мне доступна, когда моя собственная была уже написана; поэтому я отозвался на несколько спорных положений этой интересной работы, главным образом, в примечаниях.

две. Согласно одной, старейшей, НІЛ мл., памятник начала XV в., использует и переиначивает текст ПВЛ. Согласно другой гипотезе, разрабатываемой в основном в последнее столетие, в начальной части НІЛ мл. отложился источник более древний, чем ПВЛ. Таким образом, летопись, в целом более молодая, лучше донесла до нас элементы текста, вошедшие в состав ПВЛ в более переработанной форме. О характере древнего источника существуют разногласия, но для нашего предмета их значение, как выяснится, невелико. Остается проверить, как складываются наши представления о судьбе племени уличей в рамках той и другой гипотезы о происхождении летописных текстов. Наглядное сопоставление совпадений и расхождений обоих пассажей позволит выявить сюжетную логику каждого. При этом я надеюсь убедить историков, привыкших черпать сведения в «летописи» как в некоем едином кладезе премудрости, что кладезей этих несколько и качество воды в них очень разнится. Во всяком случае, станет очевидным, что исторический вес летописных сообщений целиком зависит от той концепции становления летописи, которую читатель сочтет за наиболее обоснованную.

а. Событийная канва: два взгляда на динамику покорения славянских племен

Для понимания внутренней логики обоих летописных рассказов необходимо, прежде всего, указать место каждого в событийной канве, которая разнится от летописи к летописи. По версии, сохраненной НІЛ мл., древляне и уличи были исконными соперниками «варяжских» правителей Киева. Древние Аскольд и Дир, лишь водворившись в Киеве и овладев полянами, «бѣша ратнии съ Древляны и съ Улици» (НІЛ мл., стр. 106). Этот конфликт был предопределен тем обстоятельством, что до появления Аскольда и Диры поляне «быша обидими Древляны, инѣми околними» (НІЛ мл., стр. 105); в этих «других соседях» можно подозревать тех же уличей. Затем, в княжение Олега, ни о древлянах, ни об уличах речи нет; лишь Игорь предпринимает попытку одновременного их покорения. Тот факт, что в обоих упоминаниях уличей в НІЛ мл. они выступают в паре с древлянами, весьма примечателен. Именно так, как соседи, чьи земли граничат с уделом печенежской орды («фемы») Иавдиертим, они представлены (наряду с лендзянами) в трактате «Об управлении империей» (DAI, ch. 37, ll. 42-45, p. 168/стр. 156).

Совсем иная картина предстает перед нами в ПВЛ. Здесь Аскольд и Дир не размениваются на конфликты с соседями — они идут походом на Константинополь (эта конструкция свойственна только ПВЛ). Князю Олегу приписывается систематическое покорение славянских племен — северян, радимичей, но в первую очередь древлян: «Въ лѣтѣ 883. Поча Ѡлегъ воєвати Деревляны и примучи вои имаша на ни^х дань по чернѣ кунѣ» (Лавр., стб. 24 = л. 80б.). Мы еще вернемся к этой слегка испорченной фразе. По смерти Олега древляне отложились от Игоря (статья за 6421/913 г.), но на следующий год были Игорем вновь покорены и обложены еще большей данью, чем прежде. Что же касается уличей, то те выступают в «6393/885 г.» в паре с тиверцами как успешные соперники Олега: «и бѣ въладыа Ѡлегъ Поланы и Деревляны Сѣверены и Радимичи а с Улици и Тѣверци имаше ра» (там же). Мы вернемся и к этому сообщению, где уличи и тиверцы совершенно напрасно представлены как два разных племени. Затем уличи исчезают из летописного рассказа. В самом деле, в рамках нарратива ПВЛ ни один князь не

покоряет улицей. Они просто стусевываются, по сути, как мы увидим, подменяются тиверцами.

в. Гипотеза о первичности ПВЛ и вторичности текста НІЛ мл.

Представление о ранней части НІЛ мл. как о сокращении параллельного текста ПВЛ преобладало в историографии XIX в., хотя высказывалось и мнение о том, что в НІЛ мл. отложились фрагменты некоего древнего источника. Как раз интересующий нас пассаж зачастую и приводился в обоснование подобной гипотезы (историографию вопроса см.: Аристов 2011, 175-177). Искомый источник воплотился в работах А.А. Шахматова в форме Древнейшего и Начального сводов; я кратко коснусь этих понятий ниже. Именно в полемике с А.А. Шахматовым В.М. Истрин наиболее четко выразил идею о вторичности текста НІЛ мл.: «Новгородская I летопись в пределах “Повести временных лет” представляет сильное сокращение сравнительно с Лаврент.-Ипатьевской. <...> Про Новгородскую I летопись словами Шахматова можно сказать, что она сокращает “Повесть временных лет” *систематически*» (Истрин 1923, 65; ср. Цукерман 2009, 191-192). В.М. Истрин, однако, в отличие от А.А. Шахматова, не сопровождал свою оценку сравнительным разбором летописных текстов.

Позиция В.М. Истрина в столь жесткой формулировке имела немного последователей, однако сохраняет их и поныне. Так, согласно А.П. Толочко (2015, 17), игумен Сильвестр (по мнению исследователя, автор ПВЛ) собрал впервые воедино в 1116 г. бытовавшие в Киеве «представления о древнейшем прошлом (например, в виде генеалогической легенды княжеского дома или преданий, сохраняемых в устной памяти) ... , дополнил их вычитанными из византийских хроник известиями и расположил вдоль оси христианской хронологии». В рамках этой концепции, выраженной и в более ранних работах автора, нет места для исторических сочинений, предшествующих ПВЛ. Более подробно идея В.М. Истрина развивалась в работах Т.Л. Вилкул (особенно 2003). Мне уже приходилось, однако, сетовать на то, что наблюдения исследовательницы по тексту слишком избирательны, и призывать ее расширить их на раннюю часть летописи (Цукерман 2009, 267-270). В своей недавней монографии Т.Л. Вилкул отозвалась на мой призыв (хоть и без ссылки на мою работу), сопоставив в параллельных колонках несколько пассажей из ранней части НІЛ мл. и ПВЛ. Однако ее комментарий сводится к кратким указаниям на то, что НІЛ мл. сокращает или пересказывает текст ПВЛ (Вилкул 2015, 235-237, 482-488). Конкретных текстуальных показателей вторичности формулировок НІЛ мл. по отношению к ПВЛ я в этих замечаниях не нашел. Почему же, к примеру, следует считать краткий рассказ о рождении Игоря в НІЛ мл. стилизацией под ПВЛ, подражающей сразу четырем различным пассажам, а не просто начальной формой данного рассказа? Но здесь не место для общей дискуссии; отмечу лишь сугубую лаконичность, в данном аспекте, текстуального анализа Т.Л. Вилкул.

На этом фоне приобретает особый интерес работа В.Ю. Аристова (2011), специально посвященная рассказу о покорении улицей и древлян, которая широко опирается на исследования А.П. Толочко и Т.Л. Вилкул. По идее В.Ю. Аристова, новгородский летописец выступает не сократителем, как его обычно описывают,

а, напротив, распространителем текста ПВЛ. Подметив, что уличей в ПВЛ никто не покорял, составитель Н1Л мл. присоединяет их к древлянам, которых Игорь (вновь) покоряет в начале своего княжения. Для вящего, надо думать, параллелизма новгородец устраняет сообщение ПВЛ об изначальном покорении древлян Олегом в «883 г.» и именно на его основе строит описание их подчинения Игорем (см. ниже). Столь же метко подметив ущербность зачина рассказа о древлянской дани, новгородец восполняет и его. В самом деле, в ПВЛ «отроки Свенельда» упомянуты без объяснения, кто такой Свенельд, и остается непонятным, почему отроки Игоря чувствуют себя обделенными. Новгородский летописец наделяет Свенельда чином воеводы, а Игорю приписывает передачу ему дани как с уличей, так и с древлян. Жаль, не скрою, было бы сознавать, что все это выдумки новгородского книжника XV в. Ведь в чем тогда состояла суть противостояния отроков Свенельда и Игоря в представлении автора изначального рассказа, мы так и не узнаем.

Ровно такой же выдумкой позднего новгородского летописца оказывается взятие города Пересечен и переселение уличей. История с переселением, которая немало занимала историков, привлекает особое внимание В.Ю. Аристов (2011, 173-174, 178-179). Исследователь полагает, что новгородцу были доступны обе версии рассказа ПВЛ о расселении восточных славян (см. ниже) и что идея о переселении на Днестр возникла как попытка примирить версию Лавр. о том, что уличи «сѣдаху бо по днѣстру» и версию Ипат. о том, что те «сѣдаху по бугу и по днѣпру». Выходит, правда, что замечательная филологическая акрибия — сличение двух редакций текста ПВЛ — сочеталась у новгородского книжника с небрежным прочтением текста. Версия Ипат., размещающая уличей тиверцев от Днепра до Дуная («и присѣдаху къ дунаеви»), подразумевает их присутствие и на Днестре; противоречия между обеими версиями нет и не было надобности их примирять. Однако наш книжник в данном сегменте текста явно вошел во вкус сочинительства, тем более что придумывать историю с городом Пересечен — название которого он выбрал наугад среди сотен топонимов в современном ему «Списке русских городов дальних и ближних» — никакой необходимости не было.

Статья В.Ю. Аристов выделяется на фоне работ его предшественников своим вниманием к деталям текста Н1Л мл. и к авторским приемам ее составителя. Очень верно подмечена текстуальная зависимость между приведенными выше описаниями дани, что взымали с древлян Игорь и Свенельд согласно Н1Л мл., «и имаша по чернѣ кунѣ от дыма», и той, что наложил на них Олег в статье ПВЛ за 883 г.: «имаша на них дань по чернѣ кунѣ» (Лавр.) (Аристов 2011, 178). По стечению обстоятельств на связь между обоими пассажами одновременно указал и я (Zuckerман 2011, 51-52; см. уже Творогов 1976, 16), но в остальном наши толкования разошлись. Для меня первоначально описание дани Н1Л мл., отброшенное в прошлое автором ПВЛ. Какими же доводами мы располагаем для определения соотношения между обоими текстами?

В тексте ПВЛ отсутствует определение налоговой базы. В самом деле, кто же должен был выплачивать «по чернѣ кунѣ»? При чтении ПВЛ легко вообразить, что речь идет о подушной подати («one black marten skin per man», Martin 1986, 9).

Н1Л мл. уточняет, что подать взымалась с семейного хозяйства (дыма). Ранее я однозначно толковал отсутствие определения в ПВЛ как показатель небрежного сокращения фразы ее автором. Но можно вообразить и то, что это уточнение внес гипотетический поздний редактор Н1Л мл., зная толк в пушнине и сознавая, что если бы каждый древлянин сдавал по шкурке, то популяции куниц грозила экологическая катастрофа.

Более доказателен аргумент чисто филологического порядка. В статье ПВЛ за 883 г. царит редкий для летописи разнобой между всеми тремя ее редакциями:

Поча Шлегъ воевати Деревланы и примучи вои имаша на ни ^х дань по чернѣ кунѣ (Лавр.)	Поча Шлегъ воевати на деревляны. и примочивъ а. и имаше [А имаше] на ни ^х дань по чернѣ коунѣ (Радз./Акад.)	Поча Шлегъ воевати на Древланы . и примучивъ а . поч на ни ^х дань имать . по чернѣ кунѣ (Ипат.)
---	---	---

Ни один издатель ПВЛ не следует в данной фразе чтению какой-либо рукописи, что указывает на неисправность всех трех чтений. Д. Островски предпочитает чтение Ипат., хоть и опускает почему-то слово «дань» (Ostrowski, I, 130). Большинство издателей (Бычков, Шахматов, Бугославский, Лихачев) следуют Радз./Акад., опуская неуместный союз «и» перед «имаше», а также (кроме Шахматова) предлог «на» перед «деревланы» (ср. Ostrowski, *ibid.*).

Однако если мы признаем, вместе с В.Ю. Аристовым, генетическую связь описаний древлянской дани в Н1Л мл. и в ПВЛ, то становится очевидным, что чтение Лавр. «имаша», совпадающее с Н1Л мл. (Комм.), в ПВЛ первоначально. Именно эта множественная форма глагола, неуместная в контексте, и спровоцировала разнобой летописных чтений. На каком-то этапе бытования текста, дошедшего до нас в Лавр., редактор или переписчик взял последние три буквы в словосочетании «примучивъ а» и создал из них недостающее подлежащее во множественном числе — «вои». Это механическое решение породило очень неудачную фразу. В Ипат. указанное словосочетание сохранилось, а последующая фраза переделана, причем достаточно искусно, чтобы заслужить предпочтение Д. Островского. Наконец, Радз./Акад. содержит минимальную правку — замену множественного числа на единственное, с добавлением ненужного союза «и».

В свете высказанных соображений, я предложил бы будущему издателю ПВЛ следующую реконструкцию статьи за 6391/883 г.: «Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаша на них дань по чернѣ кунѣ». Как я указывал уже в работе 2011 г., неуместное множественное число глагола является результатом механического переноса фразы из Н1Л мл., где дань взимается Игорем и Свенельдом, в контекст ПВЛ, где единственным действующим лицом является Олег. В рамках альтернативной теории пришлось бы предположить, что новгородский книжник XV в., имевший доступ к тексту типа Лавр. (без поправки «вои»), был столь заинтригован сказуемым во множественном числе, что решил придать ему контекст и смысл. Именно эта деталь, выходит, и вдохновила его на создание той части рассказа Н1Л мл., которую В.Ю. Аристов приписывает его воображению.

Статья ПВЛ за 6393/885 г, которая, казалось бы, не находит параллели в Н1Л мл., имеет сходное объяснение. Устранив по сюжетным соображениям конфликт

Аскольда и Дира с древлянами и с уличами (см. выше), автор ПВЛ передал его в видоизмененной форме Олегу. Как верно подметил Б.А. Рыбаков (1950, 4), «искусственно конструируя биографию своего любимого героя Олега, Нестор [т.е. ПВЛ] упоминает и воевавших с ним уличей, но только союзниками их называет уже не древлян, а далеких тиверцев».

Я столь подробно остановился на гипотезе первичности текста ПВЛ не без веской причины. Сам В.Ю. Аристов (2011, 181) четко указал на следствия принятия этой гипотезы: все исторические, в особенности хронологические заключения, построенные на тексте НІЛ мл., отпадают напрочь, а «про самі відносини руських князів з уличами у X ст. ми можемо сказати не набагато більше, ніж написано у “ПВЛ” та коротких повідомленнях Константина Багрянородного». На мой взгляд, однако, В.Ю. Аристов не представил достаточных оснований для подобного рода ограничений. В самом деле, для текстолога собака зарыта в конкретных деталях текста, и покуда одновременное появление глагола «имаша» во мн. числе в НІЛ мл. и в ПВЛ не получит объяснения в рамках интерпретационной схемы В.Ю. Аристова, вряд ли эта схема может претендовать на доказательность. Но есть и еще одно более общее соображение, которое ускользнуло как от молодого киевского исследователя, так и от его старших коллег.

В концепции В.М. Истрина и его последователей новгородский книжник выступает то как полный воображения сочинитель, то как компилятор, лишь сокращавший летопись; вопрос о смысле и цели его историографического проекта не ставится, но в результате под его пером древнейшая русская история подвергается самому радикальному пересмотру. Кто же этот повелитель прошлого, имеющий власть произвольно менять не только общую древнерусскую, но и собственно новгородскую историю? Ответ мой, полагаю, станет неожиданностью, в первую очередь, для тех, кто задействует этот персонаж в своих построениях. Наш могущественный историограф есть плод воображения А.А. Шахматова, автор постулированного им «Софийского временника». По идее А.А. Шахматова, элементы древнего «Начального свода» влились в новгородское летописание поздно, в сер. XV в., иждивением книжника по имени Матвей Михайлов или Кусов, якобы создавшего «Временник», а с ним и те представления о древнейшем прошлом, что перешли в НІЛ мл. В.М. Истрин, сам историей новгородского летописания не занимавшийся, воспринял этот конструкт, лишь повернув его по-своему. Однако за последние годы шахматовская концепция «Софийского временника» полностью утратила актуальность. Включение древнейших киевских памятников относится к гораздо более раннему этапу становления владычной летописи (Гиппиус 2001; Цукерман 2009), а в выстроенной А.Г. Бобровым (2001; ср. Гимон 2006) истории новгородского летописания XV в. нет места для «Временника», причем возникновение летописей Новгородско-софийской группы находит себе объяснение вне связи с историей текста НІЛ мл. Есть немалая доля иронии в том, что призрак радикального реформатора, воображенного А.А. Шахматовым, а вслед за ним и В.М. Истриным, бродит лишь в работах киевских оппонентов Шахматова, забывших, откуда он пришел. Покуда, однако, они не предложат альтернативную схему сложения новгородского летописания XIV-XV вв., никакие объяснения расхождений между

ранними летописными описаниями, основанные на идее вмешательства позднего новгородского книжника, всерьез приниматься не могут.

с. Гипотеза о первичности древнего источника НІЛ мл. и вторичности текста ПВЛ

Гипотеза об источниках более древних, чем ПВЛ, отложившихся в начальной части НІЛ мл., разрабатывалась, главным образом, за последнее столетие на основе трудов А.А. Шахматова. Ее сторонники зачастую расходятся в определении искомым источников, но для нашей темы эти разногласия, как ни странно, несущественны. Причину подобного парадокса несложно объяснить археологам. Дело в том, что А.А. Шахматов стал зачинателем системного изучения стратиграфии летописания. При всех разногласиях касательно абсолютной хронологии и границ каждого слоя, среди его последователей есть немалая доля согласия в определении относительной стратиграфии летописных источников. Именно этот пункт окажется для нас главным.

Сам А.А. Шахматов признавал множественность древних источников летописи, объединившихся в реконструированном им Древнейшем своде конца 1030-х гг. (Шахматов 1908/2002, 270-284). Эта конструкция оказалась неудачной, и вот почему. Признание преимущественной древности и достоверности известий, сохранных НІЛ мл., оставляла за бортом обширный круг сведений, составляющих специфику ПВЛ, и А.А. Шахматов не решился полностью лишить своих коллег-историков привычного для них материала. Он предположил, что ПВЛ сохранила фрагменты древних источников, утраченные в НІЛ мл., и включил соответствующие пассажи в свою реконструкцию Древнейшего свода. Произвольный характер подобной подборки был отмечен критиками сразу: возвращаясь к археологической метафоре, скажем, что древнейшие слои летописи оказались изрядно перемешаны. Недавно слабые места шахматовской концепции были вновь отмечены в двух историографических обзорах (Гиппиус 2012, 47; Толочко 2015, 20-30). П.С. Стефанович (2014), определив свой подход как «последовательное применение идей А.А. Шахматова, касающихся истории древнерусского начального летописания» (стр. 21), посвятил последующие страницы подробной критике Древнейшего свода и пришел к следующему выводу: «Обзор текста ПВЛ на отрезке от известия о захвате Киева под 6390 г. вплоть до рассказа о гибели Игоря показывает, что никаких сообщений, чтений и вариантов из древней летописи в нём нет. <...> Всё то, чего нет в НІЛ мл и что есть в ПВЛ — это дополнения по внешним нелетописным источникам, «перифразы» и сочинительство. <...> Значит, от сложной конструкции А.А. Шахматова взаимоотношения и происхождения текстов НІЛм и ПВЛ можно отказаться» (стр. 46). С этой оценкой можно только еще раз согласиться.²

В серии работ, опубликованных за последние двадцать с лишним лет, я провожу идею о том, что один древнейший источник лег в основу древнерусского лето-

---

² Шахматовская идея Древнейшего свода оказалась недавно вновь востребована в работе А.С. Щавелева (2015, 100), который определяет древнейший источник летописи как СПРК-ДС (Сказание о первых русских князьях — Древнейший свод). Однако первое из этих названий было использовано М.Н. Тихомировым для создания альтернативы своду А.А. Шахматова, и потому я затрудняюсь вообразить, как представляет себе комбинированный источник А.С. Щавелев.

писания и что он должен реконструироваться в плане структуры и содержания исключительно на базе НІЛ мл. В моей последней статье на эту тему я оптимистически оценил, что этот источник, названный мной Сказанием 1016/7 г. по предлагаемой дате его создания, сохранился в составе НІЛ мл. почти целиком, за исключением лишь самой начальной его части (Цукерман 2009, 293). Одновременно над выделением древнейшего источника летописи работал А.А. Гиппиус (2012, 49-62: обзор дискуссии), представляя себе его более кратким, но также датируя его самым началом XI в. «Рабочую реконструкцию» древнего Сказания в обоснованных мной хронологических рамках предложил С.М. Михеев (2011, 213-243). Здесь нет необходимости вдаваться в весьма существенные расхождения, подробно освещенные А.А. Гиппиусом, между тремя названными исследователями, чьими штудиями отнюдь не исчерпываются работы последних лет в указанном направлении. Для понимания современного представления о стратиграфии летописи достаточно указать, что среди последователей А.А. Шахматова его идея о множественности источников, объединенных ок. 1039 г. в некий «Древнейший свод», уступает место представлению о раннем слое в виде единого целостного повествования, которое датируется лет на двадцать ранее.

Наш пассаж из НІЛ мл. о покорении Игорем уличей и древлян занимает центральное место во всех попытках реконструировать этот древнейший источник. Дело в том, что за вычетом пустых лет и повторов, то есть элементов, не относящихся к рассказу, этот пассаж чудесным образом смыкается в сплошное повествование:

«Игорь же съдяше в Киевѣ княжа, и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именовъ Свѣнделдъ; и примучи Угльчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадъшется единъ град, именовъ Пересѣчень; и съде около его три лѣта, и едва взя. И бѣша съдяще Углицѣ по Днѣпру вѣнизъ, и посемь приидоша межѣ Бѣгъ и Днѣстръ, и съдоша тамо. И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма. И рѣша дружина Игоревѣ: «се даль еси единому мужевѣ много; отрочи Свѣнължи изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы назѣ; а поиди, княже, с нами на дань: а ты добудеши, и мы». И послуша их Игорь, иде в данѣ, и насиляше имь, и мужи его; и возмъ дань, поиде въ свои град. (и т.д.)».

По схеме В.Ю. Аристова, этот рассказ возник под пером позднего новгородского летописца именно в той форме, в какой он дошел до нас в НІЛ мл., где разговор Игоря с дружиной прерывается на двадцать с лишним лет. Первоначально в нем лишь вторая его часть, начиная со слов «отрочи Свѣнължи», которая читается в ПВЛ, а первая, добавленная триста лет спустя, являет собой искусную стилизацию под вторую. По мнению же троих названных выше исследователей, первоначален и восходит к древнейшему Сказанию именно сплошной рассказ, разорванный погодной сеткой в НІЛ мл. и частично ампутированный в ПВЛ. Каковы же последствия для уличей этого подхода к летописному тексту?

Отмечу прежде всего, что подобный взгляд на текст меняет хрестоматийное определение направления и цели похода Игоря за данью. Ведь только ПВЛ указывает, что Игорь «иде в Деревя в дань» и что он «примыслил» эту дань к первой, возложенной им на древлян после повторного их покорения в самом начале кня-

жения. Древлянский колорит уместен в ПВЛ, где об улицах нет речи, но полностью отсутствует в НІЛ мл. Если мы признаем, что он был дополнен в ПВЛ, а не умело вычищен в НІЛ мл., то оказывается, что поход Игоря за дополнительной данью был равно направлен как на древлян, так и на уличей, но только древляне сумели ему противостоять.

Предложенный подход к тексту чреват еще более серьезными последствиями для определения принадлежности города Пересечен. НІЛ мл. описывает взятие этого города дважды. Согласно статье за 6430/922 г., Игорь вел войну с древлянами и улицами, примучил уличей, наложил на них дань и передал ее Свенельду. Не сдался лишь один град, «именемъ Пересѣчень; и сѣде [Игорь] около его три лѣта, и едва взя.» После этого Игорь передал дань древлянскую Свенельду же. Сообщение о взятии Пересечена повторяется восемнадцать лет спустя: «В лѣто 6448 [940]. В се лѣто яшася Уличи по дань Игорю, и Пересѣчень взят бысть. В се же лѣто дасть дань на них Свѣнделду.» Принадлежность города улицам однозначно вытекает исключительно из этой статьи, в которой взятие Пересечена предшествует наложению дани на уличей, а не на древлян.

Как же нам следует отнестись к свидетельству этой ключевой статьи? В системе В.Ю. Аристова ответ прост — эта статья, как и предыдущая, является измышлением книжника XV в., а Пересечен никто и вовсе не брал. Однако удельный вес статьи за 6448/940 г. немногим выше и в оценке последователей А.А. Шахматова. Она предстает не как часть древнейшего Сказания (в приведенной выше реконструкции), а как элемент заполнения, созданный летописцем, который разбил Сказание на погодные статьи и пытался залатать огромные пробелы между датированными им событиями древнейшей русской истории. О времени работы этого летописца идет спор, но он не выходит за пределы последней четверти XI в. Сама же статья, как позднейший пересказ фрагмента дошедшего до нас текста, никакой самостоятельной исторической ценностью не обладает.

Более того, в моей реконструкции изначального нерасчлененного рассказа о княжении Игоря я поставил в квадратные скобки фразу «И бѣша сѣдяще Угличѣ по Днѣпру внизь, и посемь приидоша межи Бѣгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо», пометив ее как глоссу (“a gloss integrated at some stage in the original text of the *Skazanie*,” Zuckerman 1995, 262, with n. 95). Совершенно независимо А.А. Гиппиус, который не был тогда знаком с моей работой, пометил эту фразу как вставку (Гиппиус 2001, 155-159; ср. 2012, 54). Точно также выделяет ее в своей реконструкции и С.М. Михеев (2011, 216). Если принять этот анализ, то изначальный рассказ читался следующим образом:

«Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа, и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдъ; и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнделду. И не вдадѣшется единъ град, именемъ Пересѣчень; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. И дасть же дань деревьскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма».

Предлагаемая реконструкция не оставляет сомнения в том, что взятие Пересечена знаменовало в Сказании победу над древлянами (Zuckerman 1995, 263).³ Недавно к рассматриваемому пассажиру обратился П.С. Стефанович (2014, 51-52). Принимая в целом реконструкцию изначального рассказа, исследователь отмечает, в отношении фразы о переселении уличей, что «текстологических и, насколько я могу судить, лингвистических показателей интерполяции здесь нет». В самом деле, выделение «микровторжений» позднейших сводчиков в тексте Сказания по критериям стиля — дело неверное. Возможно, что идея дать справку об изначальном месте проживания уличей пришла автору в голову не сразу, возможно, что он записал ее на полях и лишь позднейший редактор определил ее место в тексте. Все комментаторы, от А.А. Шахматова до П.С. Стефановича, сходятся на том, что справка вставлена в контекст неуклюже, но этого недостаточно, чтобы исключить ее принадлежность автору Сказания. Однако я не думаю, что это признание в корне подрывает изложенные выше соображения. Мы можем понять, почему сводчик-автор статьи за 6448/940 г. отдал Пересечен уличам, но у нас нет причины за ним следовать.

Местонахождение Пересечена дебатруется уже более полутора столетия. Известен Пересечен, дважды упомянутый в Ипат. в контексте событий середины XII в., который по всеобщему признанию располагался неподалеку от Киева (Етимологічний словник 1985, 98-99). Этот Пересечен упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» конца XIV в. Однако уже в 1844 г. Н.И. Надеждин предложил связать город, захваченный Игорем, с молдавским селом Пересечина (Peresecina), примерно в 25 км к северу от Кишинева. Из обзора, составленного Р.А. Рабиновичем (2005), вытекает, что это предложение пользовалось и продолжает пользоваться немалой популярностью среди исследователей, несмотря на его — добавляю уже от себя — очевиднейшую абсурдность. Село Пересечина находится на расстоянии в 400 км от Киева по прямой линии, а при отсутствии дорог и водных путей расстояние не только удваивалось — этот медвежий угол был для киевского князя практически недоступен (Рыбаков 1950, 5). Никто из сторонников гипотезы Н.И. Надеждина не объяснил, каким образом (не говоря уж — зачем) Игорь мог там поддерживать значительный воинский контингент в течение трех лет, пока не взял город измором. Все встает на свои места, если мы признаем Пересечен за древлянский форпост, наиболее приближенный к Киеву. Его и в самом деле Игорь мог отсечь от древлянского Hinterland'a и за три года вынудить к сдаче⁴.

³ К идее о принадлежности Пересечена древлянам пришел в свое время Н. Молчановский (1885, 32-35, прим. 1), разбирая путаные сообщения поздних летописей и еще более их запутывая.

⁴ Летописные данные исключают отождествление с Пересеченом городища Монастырек под Каневым, принятое, вслед за В.О. Петрашенко, А.С. Щавелевым (2015, 114). Городище расположено более чем в 140 км вниз по Днепру от Киева, а летописный Пересечен находился в непосредственной близости от столицы (ср. Михайлина 2007, 176-178). Разрушение городища ок. сер. X в. — летописный Пересечен продолжал существовать и в XII в. — было, несомненно, делом рук печенегов. Уже после того, как наша статья была отправлена в редакцию, вышла в свет новая работа Р.А. Рабиновича (2017), «В поисках достоверной локализации летописного Пересечена». Автор признает,

Признавая справедливость замечания П.С. Стефановича о возможной исконности справки о миграции уличей (о ней пойдет еще речь ниже) в рассказе о княжении Игоря, я не могу согласиться с остальными его соображениями по содержанию этого рассказа. Исследователь не без основания считает поведение Игоря, в принятом его понимании, безрассудным в плане распоряжения княжеской казны. Поскольку неочевидно, что Игорь дополнительно обладал значительными источниками дохода, «передача дани с уличей и древлян одному Свенельду выглядит просто невероятной» (Стефанович 2014, 53). Все было, оказывается, совсем по-другому. После передачи Игорем Свенельду дани с уличей, те отселились с Днепра на Днестр и ушли из-под власти Киева. Лишь затем Игорь передал Свенельду древлянскую дань, но и то мужи Игоря сочли неправомерным. Слова источника о том, что Игорь «послуша их», якобы указывают на решение князя «отнять у Свенельда» древлянскую дань или, «выражаясь современным языком: переключить ‘финансовые потоки’ с одного на всех них» (стр. 57). Все это заняло много лет: исходить из внутренней хронологии текста «было бы слишком наивно-непосредственное восприятие летописного рассказа» (стр. 58). В целом же «летописный рассказ представляет собой лишь некую обобщенную картину с сюжетными ходами и персонажами, реальными только частично, но во многом условными, и более или менее уверенно можно говорить лишь об общих принципах ‘поведения’ этих персонажей, но не о сколько-нибудь подробном их образе» (стр. 57).

Все это, возможно, в какой-то степени верно, но, как мне кажется, не относится к делу. Мне уже приходилось указывать, что Сказание рисует весьма целостный и последовательный образ Игоря — отнюдь не мудрого государственного мужа, а князя молодого и неопытного, пребывавшего с младенчества под опекой Олега, а затем под влиянием Свенельда (Цукерман 2007, 346). Пострадал он от рук древлян за свою глупость и жадность — ведь если бы и в самом деле «все ... перераспределения дани» не происходили «с таким ‘киномонтажом’, как в летописи, а были следствием долгих переговоров и принципиальных решений, принимавшихся ‘от лета до лета’», как то полагает П.С. Стефанович (2014, 58), то за что бы древлянам было казнить Игоря? Как будет показано ниже, по данным археологии миграция уличей с Днепра произошла вовсе не в княжение Игоря, на глазах у мытарей Свенельда, а намного раньше. Однако есть и текстуальное свидетельство, отмеченное исследователем, которое противоречит его исторической реконструкции. В трактате «Об управлении империей», который в терминах древнерусской хронологии датируется первыми годами правления Ольги, уличи и древляне названы *вместе* как «подплатежные стране России местности» (DAI, ch. 37, ll. 42-45, p. 168/стр. 156; Мельникова 2014). П.С. Стефанович (2014, 53-54) готов предположить, что «в данном пассаже был использован источник, отражавший ситуацию до переселения уличей», но — дополняю от себя — после покорения древлян. Когда

как и мы, что миграция уличей со Среднего Днепра имела место до их столкновения с князем Игорем, однако выступает в защиту молдавской локализации Пересечена. Не имея возможности разобрать здесь аргументы автора против локализации Пересечена под Киевом, отмечу лишь, что все они отпадают, если признать, что город принадлежал древлянам, а не уличам.

же могла возникнуть подобная ситуация, если сразу после их покорения Игорь (согласно нашему источнику) передал древлянскую дань Свенельду, а это значит (по гипотезе П.С. Стефановича), что тот к тому времени уже лишился дани с уличей из-за их миграции? Подобные вопросы теряют смысл, если мы признаем рассказ Сказания за «киномонтаж», каковой мы вольны демонтировать и вновь составлять по соображениям правдоподобия и логики. Но не много ли нам такой свободы? В дальнейшем я буду продолжать придерживаться «наивно-непосредственного» прочтения Сказания.

2. Уличи в ПВЛ и в Баварском географе

а. «По Днѣстру» или «по Бугу/Богу и по Днепру»?

Уличи упомянуты в ПВЛ всего лишь дважды. Первое из этих упоминаний появляется в общем обзоре расселения славянских племен, где мы сразу сталкиваемся с текстуальной проблемой. Рукописная традиция, представленная Лаврентьевским и реконструируемым Троицким списками ПВЛ, расходится в существенных деталях с той, что представлена Ипатьевским, а также Радзивиловским и Академическим списками:

Лавр (стб. 13) Дулѣби живаху по Бѹ
гдѣ ныне Вельнѣне . а Оулучи Тиверци .
сѣдаху бо по Днѣстру .
присѣдаху къ Дунаєви бѣ мн^ожество ихъ .

сѣдаху бо по Днѣстру .
или до моря . суть гради ихъ . и до сего днѣ . да
то са зваху ѿ Грекъ . Великаѣ Скуфь .

Ипат. (стб. 9) Дулѣби же живаху по Бугу .
где нынѣ Волинѣне . а <Оули>чи Тиверци
сѣдаху по Бугу . и по Днѣпру .
и при<при>сѣдаху къ Дунаєви . и бѣ множество
ихъ .
сѣдаху бо по Бугу . и по Днепру .
или до моря . и суть городи ихъ и до сего днѣ
. да то са зоваху ѿ Грѣкъ Великаѣ Скуфь .

Мое первое замечание касается названий рек Бог (Южный Буг) и Буг (Западный Буг). Летописцы, как правило, различали эти два гидронима, однако их часто путали при переписке — оба эти явления хорошо прослеживаются в соответствующих словарных статьях, составленных Л.Т. Масенко (Етимологічний словник 1985, 20-21, 25). Дулебы, сменившиеся волынянами или бужанами, жили, конечно же, по Бугу (Ипат.), а не по Богу (Лавр.), тогда как уличи ассоциируются с Богом, как то указано в Н1Л мл. (выше), а не с Бугом (Ипат.). Эта путаница, однако, чисто «технического» характера.

Основное расхождение между двумя редакциями ПВЛ состоит в другом, а именно, в локализации данного племени. Согласно Лавр., уличи тиверцы «сидели» на Днестре, тогда как Ипат. размещает их по «Бугу» и Днепру. Поскольку расхождение значительно и повторяется в тексте дважды, речь идет не об описке, а о сознательном вмешательстве редактора. Остается определить, какое же чтение изначально.

Удобнейшее синоптическое издание ПВЛ, подготовленное Д. Островским, показывает колебания издателей летописи в выборе первоначального чтения. А.Ф. Бычков и Д.С. Лихачев предпочли чтение «по Днѣстру», тогда как А.А. Шахматов «по Бѹгу и по Днѣпру», а сам Д. Островски — «по Бугу и по Днѣпру» (Ostrowski, I, 66). Следует пояснить, что, по схеме А.А. Шахматова, списки Радз. и Акад. являли собой независимую ветвь рукописной традиции ПВЛ; совпадение

чтения этих списков с Лавр. или с Ипат. однозначно выдавало первоначальное чтение. Такова, в частности, логика М.Н. Тихомирова (1947, 132). Однако подробно обоснованная А.А. Гиппиусом идея о том, что протограф Радз./Акад. был сличен с Ипат. и местами по нему исправлен (речь, конечно, идет не о конкретных списках, а о стоящей за ними рукописной традиции) предоставляет исследователю большую свободу в выборе чтений (Gippius 2014, где и обзор дискуссии).

Впрочем, перед тем как предложить обоснование первичности чтения Лавр., я должен оговориться, что такой свободы, какую позволил себе А.А. Шахматов в своей реконструкции пассажа в целом, современная практика критики текста нам дать не может. Составленный им текст несет в себе контаминацию (смешение) рукописных традиций и серьезную правку: «а Уличи и Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви. И бѣ множество ихъ: сѣдяху бо прежде по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дъне, да то ся зваху отъ Гръкъ Великая Скувь» (Шахматов 1916/2003, 590). Подобного рода правка способствовала тому, что предложенная Шахматовым реконструкция древнейшего летописного текста была отвергнута даже его последователями (см. выше). Поэтому, конечно, неуместно нередкое в работах археологов обращение к этому искусственному тексту как некоему древнему источнику по истории улочей (напр. Рыбаков 1950, 4; Седов 1999, 40; и многие другие).

Первоначальность чтения Лавр. поддерживается двумя аргументами. Первый касается внутренней логики текста. Обе редакции ПВЛ сохранили указание на то, что зона расселения улочей тиверцев распространялась к Дунаю. Это указание звучит вполне осмысленно в Лавр.: «сѣдяху бо по Днѣстру· присѣдяху къ Дунаеви»: к югу от Днестра улочы тиверцы обитали вплоть до Дуная. В Ипат. же мы с удивлением читаем: «сѣдяху по бугу. и по днѣпру. и при<при>сѣдяху къ дунаеви». Переход от Днестра к далекому Дунаю нелогичен, да и между Южным Бугом и Дунаем протекает Днестр.

Второй аргумент внелетописного порядка. Если следовать тексту Ипат., «грады», то есть укрепленные поселения улочей тиверцев доходили до моря вдоль Южного Буга и Днестра. Однако никаких славянских поселений, ни укрепленных, ни открытых, ни по нижнему течению Южного Буга, ни в Запорожье никогда не было. В этой степной полосе славяне не селились. Напротив, славянские поселения Поднестровья, в том числе и укрепленные, и в самом деле доходили до Черного моря. Археологи ограничивают существование приморских поселений началом X в. (см. карты: Козлов 2015, 224, 226, 228). Вот почему летописец говорит о населении в прошлом (сѣдяху, присѣдяху), а о градах в настоящем (суть) — окруженные валами, они были видны столетие и более спустя после того, как славяне их оставили. Таким образом, чтение Лавр. отражает реальность, а приняв чтение Ипат. за первоначальное, мы без необходимости приписали бы летописцу заведомую нелепость.

Получается, что редактор списка ПВЛ, входящего в состав Ипат., сознательно расширил зону обитания улочей тиверцев к северо-востоку, расположив их на очень значительном пространстве от Днестра до Дуная. В составе Ипатьевской летописи ПВЛ является начальной частью Киевского свода, составление которого

традиционно датировалось ок. 1200 г., а ныне А.П. Толочко (2006) помещает его вскоре после 1212 г. Случаи редакционной правки текста ПВЛ составителем Киевского свода крайне редки. Один такой случай был мной разобран в докладе, который остался неопубликованным, на конференции «Після Повісті: Київський літопис та давньоруське літописання XII століття» (Киев, 2010). Только Ипат. содержит в конце статьи за 6609/1101 г. известие о закладке Владимиром Мономахом в Смоленске церкви (Успения) Богородицы, описанной как «каменная епископская». Эта вставка предвосхищает сообщение Ипат. в статье за 6645/1137 г. о поставлении первого смоленского епископа Мануила скопца. Изменения, внесенные в пассаж об улицах тиверцах в Ипат., представляются как еще один случай правки текста ПВЛ. Эта правка в целом соответствует информации, которая содержится в «глоссе» НІЛ мл. о переселении улицей с Днепра в междуречье Буга и Днестра, но трудно предположить, что новгородская летопись послужила — единственно лишь в этом отрывке! — источником киевского сводчика.

в. «Уличи тиверцы» или «уличи <и> тиверцы»?

В процитированном выше отрывке речь идет о едином племени — улицей, дополнительно определяемых как тиверцы. Издатели текста ПВЛ проставляют, как правило, союз «и» между улицами и тиверцами, тем самым превращая их в два разных племени. (Один лишь Д. Островски отказался от этой поправки, но он никак не трактует напечатанный им текст.) В этом они, возможно, опираются на второе и последнее упоминание улицей в ПВЛ, помещенное в статье за 6393/885 г. в контексте описания Олегова княжения: «а со оуличи и тиверьци имѣаше рать» (Ипат., в других списках ПВЛ текст за мелкими вариантами тот же). Здесь и в самом деле уличи и тиверцы разделены союзом «и». Однако данный пассаж не показателен, являясь производным от сообщения о войнах Аскольда и Дира, где нет речи о тиверцах (см. выше I, 1а).

От читателя не ускользнет, что в описании племен, основная цель которого заключается в их географической локализации, уличи, если признать их за отдельное племя, оказываются начисто ее лишенными. Указание на многочисленность («и бѣ множество ихъ») и на грады, доходящие до моря, исследователи, как правило, относят к тиверцам, а для улицей выкраивается скромный уголок на Днестре (Седов 1999, 71) или на р. Тясмин (правый приток Днепра) (см. ниже, часть II), где находятся подходящие археологические памятники. Однако именно улицей описывает как многочисленное племя краткий латинский этнографический трактат, озаглавленный «Описание городов и областей к северу от Дуная», так называемый Баварский географ.

Изучение этого текста многим обязано за последние годы трудам А.В. Назаренко, который, в русле ранее предложенных датировок, датирует его 2-ой пол. IX в., предпочтительно «после начала 870-х гг.», и признает неплохую осведомленность составителя, насельника баварского монастыря Райхенау, об этнической ситуации в описываемом регионе (Назаренко 2001, 69). Хр. Ханевинкел, с работами Назаренко незнакомый, аргументировал чуть более позднюю дату, 880-ые гг., признавая вслед за другими историками вторжение венгров, датируемое им 889/892 гг., за *terminus ante quem* (Hanewinkel 2004, 142-148). Наконец, С. Россиньоль, чет-

ко разделяя между двумя частями трактата, сохранил за первой датировку концом IX в., признавая возможным (“ist es durchaus möglich”) датировать вторую, в которой упомянуты и уличи, началом X в. (Rossignol 2011)⁵. Не вдаваясь в анализ аргументов исследователя, отмечу лишь, что в самом конце второй части, среди народов, в большинстве своем не поддающихся определению, о которых автор трактата явно имел слабое понятие, как раз и названы венгры (Vungare). Я решительно затрудняюсь представить их себе в этой позиции под пером их нового соседа-баварца два-три десятилетия спустя после Landnahme.

Итак, Баварский географ указывает: Unlizi, populus multus, civitates CCCXVIII / Унлицы — многочисленный народ, 318 городов (Назаренко 2001, 54-55). В ранее опубликованном комментарии А.В. Назаренко (1993, 26-28) подробно обосновывает тождество унлицей и летописных уличей, впрочем мало кем из ученых оспаривавшееся. Тиверцы же, если мы откажемся от их гадательных отождествлений с атторосами (восходит к Шафарику) или нериванами (Горский 1997, 278), Баварскому географу неизвестны. Однако именно тиверцам традиционно приписываются многочисленные славянские поселения вдоль Днестра, доходящие до Дуная. Никто, кажется, не отметил этот парадокс и не объяснил, почему Баварский географ углядел «многочисленный народ» уличей на далеком Днепре, а своих ближайших соседей не заметил.

Попытки расселить уличей <и> тиверцев, распределить между ними территорию между Дунаем и Днепром, дают место для самых неожиданных решений. А.П. Толочко иллюстрирует свободный подход историков к размещению летописных племен картами, на которых уличам отводятся обширные земли между средним течением Южного Буга и излучиной Днепра или по правобережью Южного Буга в нижнем его течении (Tolochko 2007, 174, 175), причем обе локализации объединяются полным отсутствием славянских памятников в указанных ареалах. Колебания археологов находят отражение в недавней работе Р.А. Рабиновича (2011), который заключает, что «стремление исследователей отвести тиверцам и уличам разные области поселения продиктовано невольным желанием упростить реальную историческую ситуацию, сделать ее более ясной» (стр. 91), и предлагает альтернативу: «в Поднестровье уличи и тиверцы могли жить не отдельными большими областями, а чересполосно, относительно небольшими массивами, соседствуя друг с другом» (стр. 92). Из обзора, составленного тем же автором (Рабинович 2005), явствует, что многие историки признавали невозможность разделить уличей и тиверцев и рассматривали оба этнонима как два наименования одного племени (С.М. Середонин, Ю.В. Готье, Н.С. Державин, П.Н. Третьяков и др.). Остается устранить искусственно созданный источник путаницы, отказавшись от разделения уличей тиверцев союзом «и» в описании расселения племен.

---

⁵ Отмечу попутно, что С. Россиньоль (Rossignol 2011, 310), превратно толкуя нечетко построенную фразу Хр. Ханевинкела (Hanewinkel 2004, 143), приписал ему идею о том, что трактат был составлен в 889-892 гг., тогда как для Ханевинкела это те годы, когда текст утратил актуальность, то есть *terminus ante quem*.

3. Тиверцы в ПВЛ

В отличие от уличей, которые фигурируют не только в обеих летописях, но также в трактате «Об управлении империей» и у Баварского географа, тиверцы известны только из ПВЛ, где они упомянуты четыре раза. Два наиболее ранних (по хронологии летописи) упоминания тиверцев кратко комментировались выше. Два же последних заслуживают особого рассмотрения. Речь идет о списках племен-участников походов Олега и Игоря, соответственно, 907 и 944 гг. На этих списках, главным образом, и строилась история племени тиверцев. Тем более актуально задаться вопросом о том, как же они оцениваются в современном летописеведении.

Основным различием между обеими летописями в древнейшей их части является наличие в ПВЛ и полное отсутствие в НІЛ мл. договоров между русью и византийцами. Речь идет не только о самом тексте договоров, но и об обширном их обрамлении, живописующем обстоятельства их заключения. Привнесение договоров многое объясняет для тех исследователей, которые рассматривают текст ПВЛ как результат распространения древнего источника, представленного НІЛ мл. Например, Олег, воевода Игоря в НІЛ мл., становится в ПВЛ верховным правителем (князем) руси, так как именно в этом качестве он выступает в договоре 911 г. Логику обратного превращения — князя в воеводу после элиминации из текста летописи всех договоров новгородским книжником — сторонники первичности текста ПВЛ объяснить пока не потрудились. Именно вторжение в летописный текст договора 944 г. с его событийным «конвоєм», потребовавшее значительной перекройки текста, объясняет выпадение из ПВЛ первой части описания княжения Игоря, включавшей покорение уличей (ср. выше). Описания походов 907 и 944 гг. являются элементами литературного обрамления договоров, о котором верно пишет А.А. Горский (2005, 152): «‘обрамление’ ‘договора 907 г.’, как и подобные тексты, сопровождающие другие договоры, отображают в большей степени не реалии эпохи, в которую эти соглашения заключались, а представления книжников начала XII в. о процедуре их заключения, основанные на имевшихся у них источниках — текстах собственно договоров и Начального свода».

Среди исследователей стратиграфии начального летописания нет спора о том, что текст и контекст договоров вставляются в летопись на самом последнем этапе ее сложения, отождествляемом с самой ПВЛ. Именно ознакомление летописца с текстом договоров, свежескопированных в Константинополе, и послужило, на мой взгляд, ок. 1115 г. толчком к тому радикальному переосмыслению древнейшей истории Руси, каковой явилась ПВЛ по отношению к более раннему летописанию (Цукерман 2009, 296, ср. 272). В силу важности вопроса напомним внелетописный критерий датировки привнесения в летопись договоров и, главное, создания их нарративного обрамления.

Частью обрамления договора 911 г. является описание экскурсии, проведенной для послов князя Олега по императорскому дворцу и включавшей осмотр реликвий страстей Христовых, среди которых названы и гвозди. Как мне приходилось указывать в подробном разборе этого пассажа, изначальные гвозди, обретенные императрицей Еленой и обращенные ею в диадему и удила для ее сына Константина, утрачиваются к концу IV—началу V в. (Wortley, Zuckerman 2004, 70-72). К

тому же выводу независимо пришел и М.А. Бойцов (2009). В период между ок. 400 и ок. 1100 гг. никаких следов их почитания в Константинополе не прослеживается. Однако за это время складывается легенда, по которой император Константин вставил гвоздь (или гвозди) от креста Христова в качестве луча (или лучей) радиальной короны статуи Аполлона-Гелиоса, установленной им на порфирной колонне на Форуме и известной впоследствии как статуя самого Константина. Статуя рухнула в бурю 5 апреля 1106 г., а затем на протяжении XII в. мы обнаруживаем гвозди (источники не всегда различают целые гвозди и их фрагменты) и в дворцовой часовне Богоматери Фаросской, где хранилась императорская коллекция реликвий, и в монастырях, основанных императорами и членами их семей. Как я показал в указанной работе, порядок осмотра реликвий послами в летописи соответствует порядку их осмотра в Фаросской часовне согласно латинскому путеводителю по Константинополю середины XII в. (*ibid.*, 73-74). Нет оснований полагать, что Святые Гвозди находились в этой часовне до 1106 г., каковой и составляет *terminus post quem* для внесения договоров в летопись.

Ни поход 907 г., ни поход 944 г. в греческих источниках не отражен, а попытки отыскать в этих источниках тонкие намеки на походы приводят лишь к разительным натяжкам, последним примером которых, в отношении похода 907 г., перенесенного в 904 г., является работа П.В. Кузенкова (2011). Эта работа традиционна в том смысле, что автор, далеко не первый, всячески стремится прочесть в греческих текстах то, чего в них нет (к этой констатации сводится моя с ним полемика), но при этом полностью пренебрегает текстологическим анализом своего исходного, по сути единственного источника, а именно летописи. Я не так давно попытался восполнить этот пробел (Цукерман 2007, 346), но мою работу П.В. Кузенков обошел по обычаю стороной.

Возвращаясь к этой теме, я считаю полезным рассмотреть ее в двух аспектах. В перспективе реконструкции Сказания 1016/7 встает вопрос о том, какую память о воинском противостоянии между русью и византийцами в первой половине X в. хранил древнейший исторический памятник, созданный на Руси. У многих историков, однако, Сказание, как концепция новая, вызывает настороженность; стремление держаться более привычных понятий нельзя поставить им в упрек. Поэтому мы разберем тот же отрезок текста и в классической шахматовской перспективе Начального свода; ведь нет почти ныне историка, который бы это понятие не использовал. Конкретно же это обозначает сличение параллельных текстов Н1Л мл. и ПВЛ, которое покажет, какими сведениями о походах располагал летописец до того, как ему в руки попали договора. При этом мы, конечно, не забудем о тиверцах, хотя должен предупредить читателя, что наши результаты отнюдь не послужат к вящей их славе.

а. Поход руси на Константинополь в Сказании 1016/7 г. и в своде 1076 г.

Н1Л мл. сообщает о двух походах руси на Константинополь, датируемых с разрывом всего лишь в год. В статье за 6428/920 г. Н1Л мл. описывает известный поход, который на самом деле имел место в 941 г.; это описание восходит через посредство хронографической компиляции к славянскому переводу хроники Продолжателя Амартола (*Georgius Monachus continuatus*). Непосредственно перед этим опи-

санием сообщается о женитьбе Игоря на Ольге и рождении Святослава, который, как известно, был «велми дѣтескъ» на момент смерти своего отца зимой 944/5 г. Все источники сходятся на том, что поход 941 г. закончился жестоким разгромом руси, пожженной греческим огнем, и Продолжатель Амартола не составляет в этом исключения. Желание мести как раз и мотивирует в НЛ мл. последующий поход, датированный 6430/922 г. и озаменованный победой руси.

Исследователи, признающие реальность древнейшего Сказания, согласны в том, что оно не содержало в себе вставок из византийской хронографии (Гиппиус 2012, 51). Этим принципом я и руководствовался в реконструкции текста на данном его отрезке (Цукерман 2007, 346), каковая была воспринята С.М. Михеевым (2011, 215):

НЛ мл., изд. А.Н. Насонова, испр.⁶
И приведе жену от Плескова, именемъ Олгу,
и бѣ мудра и смысла, от нея же родися
сынъ Святославъ. По сих же
В лѣто 6428 [920]. Посла вои на Грѣкы Игорь
Русьскіи до 10 тысящъ. Приплыша ко
Цесарюграду, много зла створиша Русь: Суд
бо весь пожгоша огнемъ; а ихъ же имше
плѣнники, овѣхъ растинаху, иныхъ же къ
землѣ посѣкаху, другыя же поставляюще,
стрѣлами стрѣляху; елико же ратнии творят,
изъломяще опаки руцѣ связяюще, гвозды
желѣзны посрѣде главъ вбивающе; и многы
церкви огневи предаша. Бысть же Романъ
тогда царь. Посла царь Романъ патрикия
Феофана съ вои на Русь, и огненнымъ строемъ
пожже корабля рускыя. И възратишася Русь
въ своя. Том же лѣтѣ препочиша и другое, на
третье идоша.
В лѣто 6429 [921]. Игорь и Олегъ пристро-
иста воя многы, и Варягы и Полянѣ и
Словенѣ и Кривичи, и корабля многы
бещисленны.
В лѣто 6430 [922]. Иде Олегъ на Грѣкы и
прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша
Съсуд, а град затвориша. [Следует описание
победоносного похода Олега.]

Сказание 1016/7 г. (реконструкция)
И приведе жену от Плескова, именемъ Олгу,
и бѣ мудра и смысла, от нея же родися
сынъ Святославъ. По сих же

иде Олегъ на Грѣкы и
прииде къ Цесарюграду; и Греци замкоша
Съсуд, а град затвориша. [Следует описание
победоносного похода Олега.]

Сказание 1016/7 г. сохранило память лишь об одном походе на Константинополь, предшествовавшем балканскому походу Святослава. Этот поход имел место после женитьбы Игоря и рождения Святослава, а командовал им Олег, в этой ранней

⁶ В приводимом ниже пассаже текст Комиссионного списка, принятого за основу А.Н. Насоновым, разнится в немаловажных деталях, зачастую меняющих смысл текста, со списками Троицким и Академическим, которые в случае согласия дают первоначальное чтение. Не претендуя на создание критического текста, я внес минимальные поправки в текст Насонова, основанные на его же прочтении Троиц. и Акад.

традиции воевода Игоря, который затем незамедлительно сходит со сцены. Я подробно разобрал это древнейшее русское свидетельство о походе 941 г., которое замечательно совпадает со свидетельством современным событиям еврейского письма из Генизы, в статье, опубликованной по-английски (Zuckerman 1995), а затем переведенной на украинский по инициативе Глеба Юрьевича Ивакина (Цукерман 2003). Поскольку теперь работа доступна широкому кругу читателей, я не буду повторять свою аргументацию.

Любопытно проследить за превращением текста Сказания после его попадания в летопись. Тот этап становления летописного текста, что отложился в НІЛ мл., отмечен внесением погодной сетки. В предложенной мной системе этот этап отождествляется как свод 1076 г. (Цукерман 2009, 273-282), в то время как А.А. Гиппиус (2012, 46-49: обзор), следуя за А.А. Шахматовым, определяет его как Начальный свод начала 1090-х гг. Заинтересованный читатель, следуя по ссылкам, легко откроет для себя причины наших разногласий, но здесь они значения не имеют. Важно то, что на этапе, предшествующем ПВЛ, рассказ Сказания разрывается вставкой из хронографического источника — автор свода 1076 г. не догадался, что его русский и переводный источники описывают один и тот же поход — а также статьей заполнения, датированной 6429/921 г.

Статья за 6429/921 г. напоминает разобранную выше статью за 6448/940 г., которая выполняет ту же функцию заполнения (ср. Творогов 1976, 20). Обе статьи используют основной нарратив, но воспроизводят его неточно. Так, в статье 6429/921 г. сказано, что Олег и Игорь собрали «корабля многы бещисленны», тогда как в основном рассказе названы точные (и вполне реалистичные) цифры: сто кораблей по сорок человек на корабль (Zuckerman 2011, 27). В рассказе о походе этнический состав войска Олега — это русь и словене (между которыми возникает любопытная коллизия), тогда как статья за 6429/921 г. дает целый список участников похода: варяги, поляне, словене и кривичи. Показательна подмена руси варягами: хоть это и не наша тема, она подтверждает, что статьи 6429/921 и 6430/922 гг. принадлежат разным авторам. Обратим внимание, что тиверцев среди участников похода в НІЛ мл. нет.

в. Походы руси на Константинополь в ПВЛ

Согласно ПВЛ, русь ходила в первой половине X в. походом на Константинополь не раз, как в реконструируемом Сказании 1016/7 г., и не два, как в своде 1076 г. (за счет раздвоения похода 941 г.), а целых три раза. Описания этих походов создаются в очень значительной степени за счет вторичного использования элементов текста, присущих НІЛ мл. и восходящих к своду 1076 г. (или, если угодно, к Начальному своду).

Описание похода, датированного в ПВЛ 6415/907 г., являет собой искусное сочетание элементов описания обоих походов НІЛ мл. (Творогов 1976, 16-17). Несколько конструкций и даже фраз заимствованы из описания похода 6428/920 г, восходящего к греческому рассказу о походе 941 г., но в основном ПВЛ воспроизводит описание похода 6430/922 г. Число кораблей возрастает, однако, со ста до двух тысяч, и не менее разительно разрастается список участников похода. Варя-

ги, поляне, словене и кривичи, упомянутые в НІЛ мл., теряются во множестве племен, перечисленных в ПВЛ (Ипат., стб. 21):

В лѣто. ꙗ̅. ѿ̅ ѿ̅ [907]:·:·: Иде Шлег[л]ъ на Гръкы. Игоря оставивъ Кыєв®. поа же множество Варягъ . и Словѣнь . и Чюди . и Кривичи . и Мерю . и Поланы . и Сѣверо и Деревланы . и Радимичи . [и Вягичи] и Хорваты . и Дулѣбы . и Тиверци . аже суть толковины . си вси звахуть [ѡ Грѣкъ]⁷ Великаа Скуфь.

На компилятивный характер списка указывалось неоднократно. Он объединяет список племен, участвовавших, согласно статье ПВЛ за 6390 г., в захвате Олегом Киева (варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи), со списком славянских племен, которые «живяху в мирѣ» между собой во вводной части летописи (поляне, древлане, севера и т.д., см. ниже) (Творогов 1976, 16; Горский 2004, 22, где схема чуть сложнее). Однако никто, насколько мне известно, не ставил вопрос о том, почему этот впечатляющий список этнонимов, долженствующий описать состав войска Олега, подменяет собой в ПВЛ другой, более краткий, относящийся в НІЛ мл. ровно к тому же походу. В самом деле, защитники историчности «похода 907 г.» опираются на дату, указанную в ПВЛ, но избегают детальных сравнений описания, помещенного под этой датой, с описанием похода 6430/922 г. в НІЛ мл., так как признают, как правило, в плане текста это последнее за более первоначальное. Вряд ли кто-либо станет утверждать, что летописец начала XII в. был осведомлен лучше, чем его предшественники, о числе кораблей, якобы приведенных Олегом под Константинополь более чем за два столетия до составления ПВЛ. Увеличивая в двадцать раз число кораблей и, соответственно, участников похода, летописец не мог удовлетвориться тем кратким списком племен, что он нашел в своем источнике. Из названных ранее в летописи этнонимов он скомпилировал список в три раза более обширный. Так возник тот не имеющий себе равных восточноевропейский интернационал, которым якобы предводительствовал князь Олег.

Следует отметить, что автор ПВЛ рационально утилизировал и старый список тоже. Ровно ту же схему, что его источник применил к двум описанным им походам, автор ПВЛ сохранил для своих второго и третьего походов на Константинополь: неудача (6449/941), короткий перерыв, а затем реванш, увенчанный полным успехом (6452/944). Мифический характер похода 944 г. очевиден, возможно, и для П.В. Кузенкова (2011, 13, прим. 1), который пишет о «несостоявшемся походе»; для нас же важны две детали: маршрут похода, одновременно по воде и по суше («въ лодяхъ и на конихъ»), и список его участников. Этот список мы и сопоставим с тем, который автор ПВЛ обнаружил в своде 1076 г., а мы читаем в НІЛ мл.:

В лѣто 6429 [921]. Игорь и Олегъ пристроиста воя многы, и *Варягы* и *Полянъ* и *Словенъ* и *Кривичи*, и корабля многы бещислены. (изд. Насонова, стр. 108)

В лѣто. ꙗ̅. ѿ̅ ѿ̅ [944]:·:·: Игорь совокупи воя многы . *Варягы* . и Русь . и *Поляны* . и *Словѣны* . и *Кривичи* . и Тиверци . и Печенѣгы наа. (Ипат., стб. 34)

⁷ Оба дополнения в квадратных скобках взяты из Лавр. и Радз./Акад.

Связь между обоими текстами бросается в глаза: те четыре этнонима, из которых состоит список «921 г.», обнаруживаются в том же порядке в списке «944 г.». Иными словами, для своего второго «удачного» похода автор ПВЛ использовал в основном тот же набор участников, какой он обнаружил в описании единственного удачного похода в своем источнике. Автор добавил к варягам и русь, исправив тем самым оплошность сводчика 1076 г.: как я уже указывал, тот поставил в свой список варягов, хотя в описании войска, восходящем к древнейшему Сказанию, речь идет именно о руси. Наиболее заметным добавлением являются печенеги, чье появление объясняется, как кажется, маршрутом похода. Автор понимал, что перемещение части войска по суше было бы невозможно без согласия и содействия печенегов, каковых он и придал Игорю в качестве наемников (предусмотрительно указав, что Игорь взял среди них также и заложников)⁸. Остается объяснить присутствие в списке тиверцев. В самом деле, данный список, в отличие от предыдущего, достаточно селективен. Появление каждого этнонима имеет свою причину, и вряд ли тиверцы являются исключением.

Причину появления тиверцев я усматриваю в наличии в списке печенегов. В своем предыдущем списке племен (см. выше) автор ПВЛ охарактеризовал тиверцев как переводчиков: «(а)же суть толковины» (значение: СлРЯ XI-XVII вв., т. 29, 404). Высказывалось предположение, что тиверцы служили переводчиками с греческого (впервые: Истрин 1922, II, 246); предполагалось также, что они могли посредничать между славянами и «остатками дако-римского населения», переводя с румынского (Spinei 2009, 85). Однако наиболее очевидное объяснение исходит из факта, что улличи тиверцы жили в тесном соседстве с кочевниками (см. ниже). Для них они, несомненно, и выполняли роль переводчиков. Я полагаю, что автор ПВЛ зачислил тиверцев в участники похода «944 г.» как посредников между войском Игоря и печенегами.

Любопытно само выражение «тиверци, (а)же суть толковины». Д.С. Лихачев и О.В. Творогов, в своих неоднократно публиковавшихся переводах ПВЛ, переводят одинаково и на редкость свободно: «тиверцев, известных как толмачи». Однако тиверцы не «известны как» толмачи или переводчики, они определяются таковыми. Славянское слово «толковины» (оставим попытки придать ему тюркскую этимологию: Баскаков 1985, 123-126), вводимое через формулу «(а)же суть» (= то есть), представляется как глосса к названию тиверцы. Отсюда предположение А.А. Шахматова (1919, 31-32), что тиверцы (чье наименование он возводит, как и многие, к гидрониму Тугас-Днестр) были частью улличей, которая «смешалась с наводнившими степь печенегами» и могла играть роль переводчиков; отсюда приведенная К.Г. Менгесом идея Р. Якобсона, что этноним «тиверцы» мог быть тюркским эквивалентом славянского «толковины», да и попытка самого Менгеса (1979, 146-150) создать для тиверцев тюркскую этимологию.

---

⁸ Отметим, что печенегов нет в списке участников «похода 907 г.», который, согласно ПВЛ, шел также «на конех и на кораблех». Однако автор ПВЛ, весьма последовательный в своих исторических построениях, датировал появление печенегов 6423/915 г. (с запозданием в полтора-два десятка лет); в 907 г., по его хронологии, они опасности не являли.

Как, наверное, заметил внимательный читатель, в этой работе я оставил полностью в стороне этимологии племенных названий, на которые исследователи тратят немало воображения и времени. Я не поступлюсь этим принципом, приведя весьма полезное замечание П. Бушковича, касающееся не этимологии, а морфологии этнонима тиверцы (Bushkovitch 1971; идеи Бушковича нашли себе широкое применение в гл. V известной монографии Г.А. Хабургаева [1979], который на американского исследователя не сослался). Распределив племенные названия на группы по критерию используемых в них суффиксов или отсутствия таковых, П. Бушкович констатировал, что среди названий, претендующих на древность, «тиверцы» оказались в одиночестве в группе с суффиксом *-ьць-*, к которой примыкают названия столь очевидно вторичные и поздние, как *новгородцы*, *туровцы* и т.п. (ср. *немцы*). Я полагаю, что название тиверцы, какова бы ни была его этимология, следует и в самом деле рассматривать как образование позднее, дополнительно характеризующее уличей.

*с. Великая Скуфь/Скифь*⁹

С учетом всех приведенных выше соображений, сравним, наконец, два основных пассажа, в которых фигурируют тиверцы в ПВЛ:

Лавр. И живаху* в мирѣ

Полане· и Деревлане· и* Сѣверо* и
Радимичи*· и Ватичи· и Хрвате· Дулѣби
же* живаху по Бугу* гдѣ нынѣ Вельнана·
а Оулчи Тиверци·
сѣдаху бо по Днѣстру· присѣдаху къ Дуна-
ви бѣ мно^ожество ихъ· сѣдаху бо по Днѣстру·
оли* до мора· сугь гради и^х· и до сего днѣ·
да то са зваху ѿ Грекъ· Великаа Скуфь·¹⁰

Ипат. Иде Улерг[л]ъ на Грѣкъ . Игора
уоставивъ Кыевъ . поа же множество Варалгъ . и
Словѣнь . и Чюди . и Кривичи . и Мерю .
и Поланы . и Сѣверо и Деревланы . и
Радимичи . [и Вятичи] и Хорваты . и Дулѣбы .
и Тиверци . таже суть толковины.

си вси звахуть [ѿ Грекъ]¹¹ Великаа Скуфь.

Первое свидетельство (слева) было частично прокомментировано выше. Оно принадлежит к вводной части летописи, нерасчлененной на годы, которая дошла до нас только в ПВЛ. По причинам, которые не раз обсуждались (напр.: Творогов 1976, 5-7; Цукерман 2009, 283-291), в этой части трудно определить стратиграфию летописного текста, отнести тот или иной пассаж к одному из сочинений, предшествующих ПВЛ. Все, что можно утверждать — это что список живущих в мире племен предшествует уровню ПВЛ, к которому принадлежит список участников «похода 907 г.» (справа).

Основным показателем станет для нас понятие Великая Скифь. Как указывал А.А. Шахматов (1940, 80), Великая Скифия фигурирует также в Изборнике 1073 г. (л. 150б), в фрагменте из трактата Епифания Саламинского (Кипрского) о 12 камнях на ризе первосвященника, сохранившемся в поздней редакции по-гречески и

⁹ О предпочтительной транслитерации в современной графике летописной формы «скуфь» (где буква у восходит к хвостатой ижице) как «скифь», см. Русинов 2006.

¹⁰ Цит. по Лавр., стб. 12-13, с поправками, помеченными *, из Ипат. и Радз./Акад.

¹¹ Цит. по Ипат., стб. 21, с дополнениями в квадратных скобках из Лавр. и Радз./Акад. (ср. выше).

по-славянски среди «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита. Шахматов предположил, что именно этот пассаж, возможно через посредство Изборника 1073 г., и послужил источником летописца. Идеи Шахматова были восприняты А.В. Соловьевым (1947, 25), который иногда указывается как их автор (Рычка 2009, 190), хотя сам ссылался на Шахматова. Однако представления о Великой Скифии у Епифания и в летописи столь различны, что идея о заимствовании мне кажется очень сомнительной.

Епифаний, автор конца IV в., специально оговаривает, что речь у него пойдет о Скифии в том значении, какое придавали ей «древние» (ветъсии / *πάλαιοι*), подразумевая весь северный край (страноу тоу вся сѣверскоуя / *τὸ κλίμα ἄπαν τὸ βόρειον*), где живут готы и даны. В пустынной части этой великой (я перевел бы здесь греческое слово *μεγάλη* на современный язык как «огромной») Скифии находится некое ущелье, где причудливым образом, с помощью орлов, добывается драгоценный камень иакинф. За этим описанием стоят самые абстрактные географические представления о Скифии, которая, кстати, обозначается в переводе как «Скоуэия», а вовсе не «Скуфь».

Летописное понятие Великая Скифь («Скуфь») комментировалось М.Н. Тихомировым (1947, 133-134) и А.В. Соловьевым (1947, 26). Первый справедливо отметил, что название Великая Скифия для территории, простирающейся к северу от Дуная, следует соотносить с названием провинции Малая Скифия к югу от Дуная в нижнем его течении (Добруджа). Второй столь же уместно указал на самую близкую параллель подобного бинома в позднеантичной административной географии: Великая и Малая Армения (известные не со времен Юстиниана, как пишет Соловьев, а с начала IV в., см. Zuckerman 2002, 628-635). Бином Великая и Малая Скифия в столь отчетливой форме не зафиксирован. Летописец, как полагал Тихомиров, «писал на основании каких-то неизвестных нам источников». Однако его словоупотребление вписывается в хорошо известную нам модель географической номенклатуры. Еще раз подчеркну, что приписать летописцу подобную конкретизацию понятия великая Скифия Епифания, на мой взгляд, неправдоподобно.

Понятие «Великая Скуфь» в описании расселения славян воспринималось названными исследователями (как, в целом, и их предшественниками) как топоним, подразумевавший под собой территорию, где располагались «грады». Иное понимание данного контекста отстаивает В.Н. Русинов (2006, 79-84, где и элементы историографии вопроса), который объясняет понятие «великая скифь» (со строчной буквы) как этноним, упирая на морфологию слова «скифь», типичную для названий народов (русь, весь, чудь и т.п.). Исследователь, однако, не учитывает, что подобные этнонимы нередко употребляются в летописи в отчетливо географическом значении («Русь» повсеместно, ср. «прити в Чюдь», Лавр. л. 60). Поэтому Г.А. Хабургаев (1979, 169-170), определяя Скифь как «собирательное имя, являющееся этнонимическим по происхождению», рассматривает Великую Скифь как название страны. Для концепции В.Н. Русинова весьма проблематичен и эпитет «великая» — он нередко определяет страны (ср. Великая Болгария, Великая Венгрия), но к народам не применяется (общая отсылка автора, стр. 83, к статье «великий», СЛРЯ XI-XVII вв., т. 2, 62, не приносит даже отдаленных параллелей).

Понятие великая скифь выступает как коллективный этноним в списке участников «похода 907 г.», где оно охватывает большую группу славянских племен с добавлением варягов, чуди и мери. Однако в праве ли мы заключать о смысле понятия в изначальном его употреблении по позднейшей адаптации (ср. Русинов 2006, 83-84)? Как мы видели, данный сегмент текста вторичен вдвойне: как в плане структурном (подменяет собой более ранний список участников того же похода), так и текстуальном (заимствован из иного контекста). Если в первичном своем контексте термин описывает конкретную территорию проживания улчей тиверцев, то во вторичном применении к славянам (забывая о прочих племенах) слова летописца дали, как известно, повод для многочисленных романтических построений, каковые не входят в круг рассматриваемых нами тем.

Впрочем, опыт показывает, что мой призыв отказаться от использования вторичных элементов в летописном повествовании в качестве первоисточника не скоро будет услышан. Цена подобного отказа слишком велика. В самом деле, как указывает П.В. Кузенков (2011, 8), экспедиция Олега «904 [907] г.» «должна быть признана одной из наиболее успешных военно-политических акций в древнерусской истории». И что ж с того, что летописный рассказ о ней целиком состоит из вторсырья? На участии тиверцев в походах Олега и Игоря строится концепция об их быстрой и полной интеграции в составе Древнерусского государства, южная граница которого распространяется тем самым до Дуная (напр. Тельнов, Степанов 2002). Смогут ли историки лишиться себя столь ключевых свидетельств о тиверцах, признав в них плод игры автора ПВЛ с текстом его источника? Как бы то ни было, любое утверждение об улчах тиверцев, да и не только о них, основанное на летописи, не может теперь не строиться на четко выраженных текстологических посылках. Каждый историк обязан их для себя сформулировать.

II. Археологические памятники улчей

Очень часто идентификация археологических памятников улчей увязывалась с их этнонимом, якобы содержащим указания на некий "угол" или "речную луку", которые и пытались найти в Поднепровье (напр. Рыбаков 1950, 9; Седов 1982, 131; Щавелев 2015, 113). Однако название "уличи" заканчивается общеславянским патронимическим суффиксом — *ичи*, что указывает на их принадлежность к определенному роду, происхождение, так сказать "генеалогию" (Хабургаев 1979, 193). Вряд ли название улчей означало "потомки угла" или "потомки речной луки" (равно как и летописные дреговичи скорее всего не "дети болота"). Совсем не исключено, что этноним "уличи" отражает тотемическую связь его носителей с волками, известную и у других славянских "племен", например, вильцев (Рабинович 1997). Последнее обстоятельство снимает возможность конкретной географической привязки данного этнонима.

Традиционно к древностям улчей относят археологические памятники на Правобережье Днепра, к югу от р. Рось (см. рис. 1.1-9), последняя считается южным рубежом земли полян (Березовец 1963, 146; Седов 1982, 106-113, 131, 132).

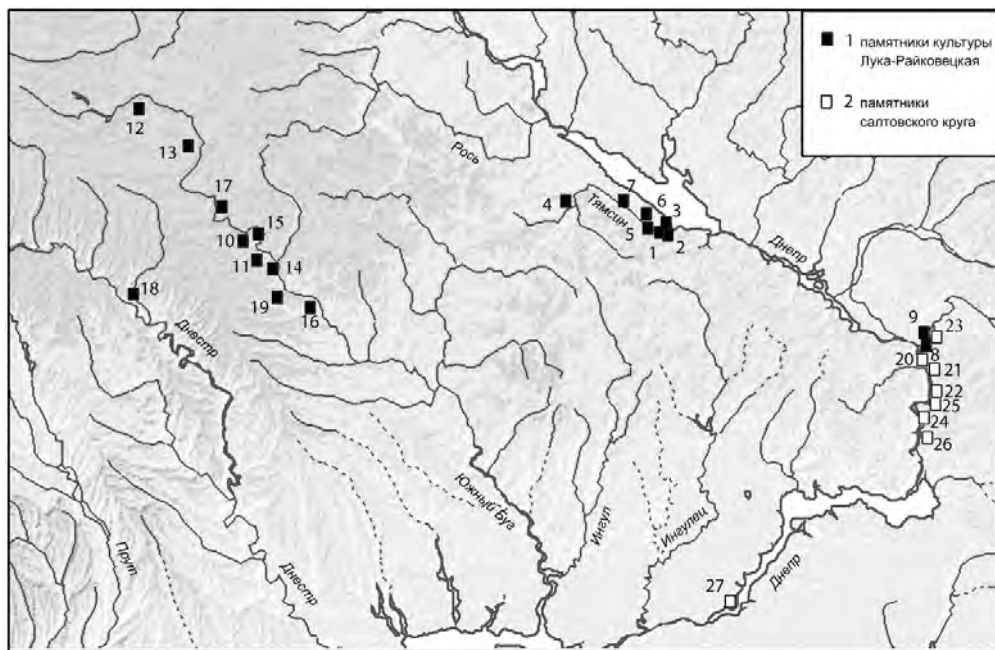

Рис. 1. Памятники оседлого населения в пограничье лесостепи и степи между Днепром и Днестром.

1: Луг I; 2: Луг II; 3: Макаров остров; 4: Смела-Юрьева Гора; 5: Большая Андрусовка; 6: Каменова-тог; 7: Субботов; 8: Игрень-Подкова II; 9: Игрень-Подкова III; 10: Грабовец-Коржевка; 11: Захарашевка; 12: Сандраки; 13: Пятничаны; 14: Ладьжин; 15: Семенки II; 16: Маньковка; 17: Соколец; 18: Григоровка; 19: Кошаринец; 20: Алексеевка; 21: Балка Яцева; 22: Балка Кайстрова и Балка Капустяна; 23: Игрень-Подкова IV; 24: Перун; 25: Петрово-Свистуново; 26: Вольно-Андреевка; 27: Змиевка.

Сразу же оговоримся, что граница эта чисто гипотетична, никаких прямых свидетельств письменных источников на этот счет не имеется, а территория как к северу так и к югу от Роси в VIII–IX вв. занята однородными славянскими археологическими памятниками культуры Лука-Райковецкая и ее раннего этапа Сахновка (Березовец 1963; Русанова 1973, 18–22; Приходнюк 1980, 47–49, 122, 123; Петрашенко 1992, 89¹²; Гавритухин 1996, 137–139; Комар 2012, 304–306). Впрочем, отличие есть, оно заключается в присутствии к северу от р. Рось славянских памятников типа Волынцево VIII—раннего IX вв. (Комар 2012, 301–303), практически неизвестных южнее Роси. Стоит также отметить зону археологической пустоты между славянскими памятниками на р. Рось и более южными славянскими древностями в бассейне р. Тясмин. Не исключено, что она может соответствовать некоему рубежу между ареалами разных славянских групп, если, конечно, это не просто недостаточно обследованная территория.

¹² В.А. Петрашенко подчеркивает сходство среднеднепровских славянских памятников с древностями культуры Лука-Райковецкая Полесья и Житомирщины, но предлагает выделить их в особую группу (Петрашенко 1989, 95–99).

Славянские памятники в бассейне р. Тясмин (см. рис. 1.1-7) уже давно введены в научный оборот (Березовец 1963; Линка, Шовкопляс 1963). Они были разделены на два культурно-хронологических горизонта. Ранний соответствует пеньковской культуре V-VII вв. а поздний, культуре Лука-Райковецкая и её ранней фазе Сахновка, т.е. VIII—началу X в. (Приходнюк, Казанский 1978). Этот поздний горизонт и может быть соотнесен с древностями летописных "племен"¹³ (Ляпушкин 1968, рис. 1.57, 58, 59, 84). Культура Лука-Райковецкая генетически не связана с предшествующей ей пеньковской, видимо её появление в лесостепном Днепровском Правобережье отражает приход сюда нового населения, не ранее второй половины — конца VII в. (Казанский 2014, 72-76).

К числу интересующих нас памятников к югу от Роси относятся поселения Луг I, Луг II, Макаров Остров, Смела-Юрьева-Гора, Большая Андрусовка, Каменоватое, Субботов (Березовец 1963, 154-192; Ляпушкин 1968, 38-40, 44; Приходнюк 1980, 137, 139; там же библиография), а также могильник Большая Андрусовка 1 (Березовец 1969, 59-66; Приходнюк 1980, 128). Это типичные для славян того времени открытые поселения сравнительно небольших размеров с жилищами-полуземлянками, имеющими глинобитную печь или же печь-каменку. На могильнике выявлены грунтовые погребения по обряду кремации, в урнах и непосредственно в ямах, с очень скромным инвентарем. В археологическом материале преобладает лепная керамика широко распространенных в культуре Лука-Райковецкая форм, т.е. сосуды с отогнутым венчиком и овоидным туловом, расширенные в верхней части (см. рис. 2.2, 3, 5), иногда с защипами по венчику и с линейно-волнистым орнаментом, имеется и уступающая по численности раннекруговая керамика близких форм. Встречены редкие для поселений украшения (перстень, трапециевидная подвеска, арбалетная фибула с завитком, бусы из глухого стекла), орудия и предметы обихода (топоры, ножи, тесла, наральные, серпы, ведра с металлической арматурой, глиняные пряслица), "народное" оружие (копья и те же топоры), присутствуют фрагменты импортных амфор и салтовской керамики с лощеным декором.

Материал культуры Лука-Райковецкая известен и в Надпорожье (см. рис. 1.8). Исследователи отмечают наличие славянской лепной и раннекруговой керамики, соответствующей этой культуре (рис. 2.1, 4), на следующих поселениях: Игрень-Подкова II (Даниленко 1953; Березовец 1963, 195; Брайчевская 1963, 261; Приходнюк 1980, 133), Игрень-Подкова III (по нумерации Д.Т. Березовца I) (Березовец 1963, 195; Приходнюк 1980, 133; Бодянский 1953, Табл. XV.1, 60)¹⁴. В коллекци-

¹³ В русских летописях славянские «племена» именуется скорее «род», что лучше всего соответствует *gentes* латиноязычных раннесредневековых авторов.

¹⁴ Проверка материалов, ныне хранящихся в ИА НАНУ, не подтвердила утверждения о наличии славянской керамики VIII-IX вв. типа Лука-Райковецкая на надпорожском поселении Запорожец-Балка Тягинка (Березовец 1963, 199; Брайчевская 1963, 259). Уже А.Т. Смиленко (Брайчевская), отметила, что эта керамика сопровождается римскими амфорами и серогончарной посудой римского времени ("черняховского типа") (Брайчевская 1963, 259). Однако изучение материала в фондах ИА НАНУ не обнаружило форм, типичных для культуры Лука-Райковецкая. Зато присутствуют лепные овоидные или тюльпановидные сосуды с выраженным воронковидным горлом, иногда с защипами по венчику и примесью травы в керамической массе, иногда с редкими гравированными

ях из Надпорожья отмечены также отдельные фрагменты керамики роменской культуры, принадлежавшей славянам Днепровского Левобережья VIII-X вв., но памятник, откуда они происходят, не установлен (Сміленко 1975, 171).

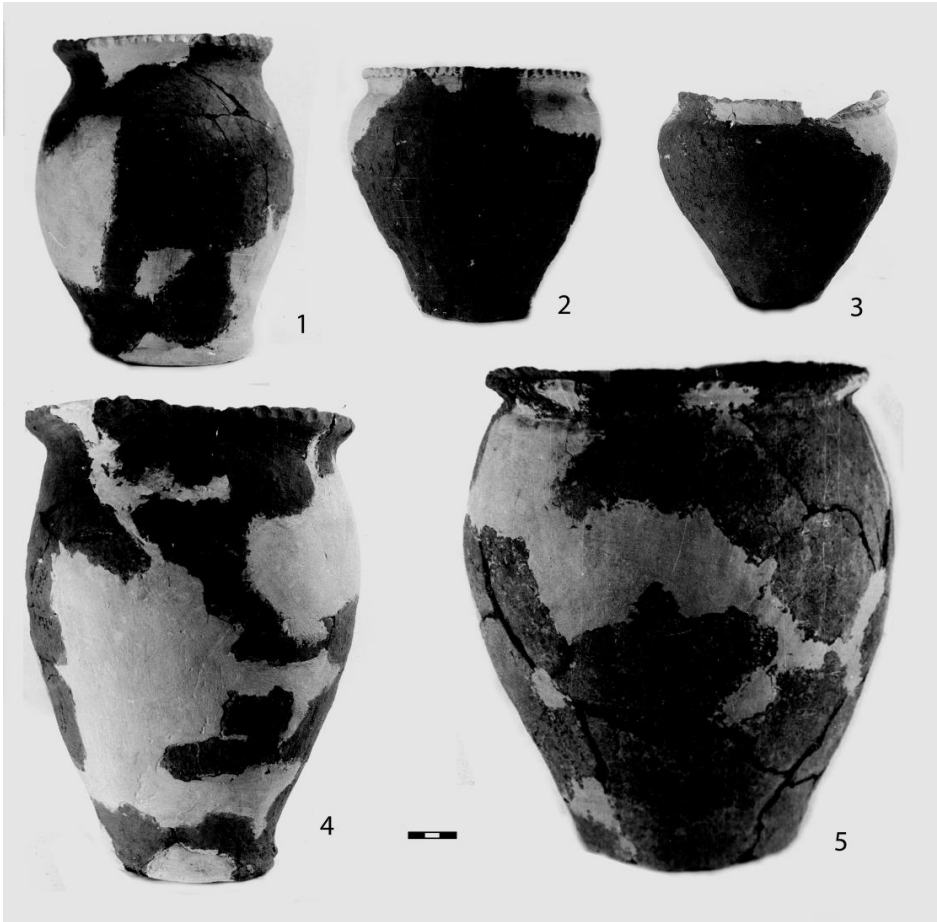

Рис. 2. Керамика культуры Луки-Райковецкой с поселений лесостепного и степного Днепровского Правобережья.
1: Игрень-Подкова II; 2: Игрень-Подкова III; 3-5: Луг II.
Фонды ИА НАНУ. Фото В.Н. Погорелого.

волнами в верхней части сосуда, а также лепные конусовидные крышки, восходящие к скифо-сарматской традиции. Фрагменты светлоглиняных и красноглиняных рифлених и гладкостенных амфор, а также серогончарная керамика, мало похожая на черняховскую, явно восходят к римскому времени. Изучение надпорожской керамики в фондах ИА НАНУ показало, что подобная лепная керамика имеется и в материалах памятников Балка Яцева — северная часть (Брайчевская 1963, 251-262, там же найдено сарматское зеркало: Брачевская 1962, рис. 3.9), Игрень I, Марьевка-Балка Ключникова. Представляется, что в целом этот материал принадлежит римскому (дочерняховскому) времени и не имеет отношения к теме нашего исследования.

Хронология культуры Лука-Райковецкая изучена недостаточно. В целом ее рамки определяются VIII-IX вв. или началом X в. В VIII-IX вв. на памятниках этой культуры доминирует лепная керамика. Гончарная керамика распространяется с рубежа VIII-IX вв. и постепенно вытесняет лепную посуду лишь к середине X в. (Русанова 1973, 19-23; Петрашенко 1989, 39). При этом в IX в. гончарная посуда изготовлена на медленном круге, а «ремесленная» керамика, т.н. курганного типа, распространяется лишь с X в., о чем свидетельствуют многочисленные находки в закрытых древнерусских комплексах. Абсолютные привязки для времени распространения гончарной керамики у славян Днепровского Правобережья дают материалы городища Монастырек, где круговая посуда была найдена в жилищах 1 и 2 вместе с диргемами 741-742 и 814 гг. (Петрашенко 1989, 82). На славянских поселениях к югу от р. Рось эта керамика курганного типа полностью отсутствует (Березовец 1963, 190), а примитивная гончарная керамика составляет более 64% только на самом позднем памятнике — Макаров Остров (Березовец 1963, 186, табл. 1). На остальных поселениях преобладает лепная керамика, что заставляет датировать всю эту группу памятников к югу от Роси временем не позднее IX в. (см. Петрашенко 1989, 84-91). В качестве гипотетической даты исчезновения этих памятников предлагается середина IX в. (Петрашенко 1989, 101, 102).

Для IX-X вв. в Надпорожье известна серия поселений и погребений, относящихся, на мой взгляд, к салтовской культуре (рис. 1.20-26). Их отличает доминирование гончарной керамики, которая имеет параллели как в салтовской культуре, так и в славянских древностях IX-X вв. и, наконец, в культуре Первого Болгарского царства (Брайчевская 1963, 279-281; Сміленко 1975, 165-167, 173). Это — поселения открытого типа Балка Яцева (южная часть) (Брайчевская 1963, 263-276), Алексеевка (Брайчевская 1963, 278), Балка Кайстрова и Балка Капустяна (Брайчевская 1963, 277; Сміленко 1975, 165; Приходнюк 1980, 137), Игрень-Подкова IV (Березовец 1963, 195 и керамическая коллекция в ИА НАНУ), Перун (Сміленко 1975, 165). На некоторых памятниках обнаружены полуземлянки с глинобитными печами и открытыми очагами, гончарный горн (Перун). В материале преобладает гончарная керамика, изготовленная на медленном круге. Лучше всего выявляются овоидные формы с линейно-волнистым орнаментом, сосуды с ручками, имеются импортные "салтовские" амфоры северопричерноморского происхождения.

Погребальные памятники представлены могильниками и отдельными погребениями. Известен могильник с погребениями по обряду трупосожжения в с. Петрово-Свистуново у Днепропетровска (Рыбаков 1950, 10-12, рис. 5; Брайчевская 1963, 276, 277). Происходящая оттуда керамика с ручками не характерна для славян, что подчеркивал уже Б.А. Рыбаков (1953, 11). Видимо предложенная им славянская атрибуция памятника связана с наличием кремаций, характерных для славян. Но кремации, как сейчас известно, имеются и у носителей салтовской культуры (Плетнева 1967, 100-102). Известны в Надпорожье и ингумации салтовского типа, например ямное погребение с типичным салтовским кувшином в с. Вольно-Андреевка (Сміленко 1975, 159; Бодянский 1953, табл. XIV.4).

А.Т. Сміленко датировала эти памятники IX-XI вв., но все приведенные ею аналогии укладываются в IX-X вв., то есть в рамки салтовской культуры (Смілен-

ко 1975, 170, 171). Вряд ли эти находки имеют прямое отношение к славянам Поднепровья. Материал здесь резко отличается от славянских древностей культуры Лука-Райковецкая в первую очередь незначительным количеством лепной посуды, отсутствием печей-каменок в жилищах. Полуземлянки с печами-каменками или глинобитными печами на поселениях Надпорожья, напоминающие славянские, имеются и в салтовской культуре (Плетнева 1967, 61, рис. 13.7). С другой стороны, надпорожские памятники обнаруживают сходство с материалом того же времени из Змиевки на Нижнем Днепре (Сміленко 1975, 163), где присутствие славян еще более проблематично (см. рис.1.27).

Отметим, что по контексту рассказа Константина Багрянородного о плаваниях русов по Днепру, регион порогов представляется пустынным, где следует опасаться нападения печенегов (Константин Багрянородный, *Об управлении империей*, гл. 9). Возможно, ко времени Константина Багрянородного надпорожские поселения уже были заброшены.

Показательно, что в Поднепровье между Росью и Днепровскими порогами известны только поселения открытого типа без всяких укреплений, при том, что уличичи письменных источников до Свенельда никому дань не платили. Видимо угроза со стороны степи не была столь уж постоянной. На сегодняшний день к югу от Роси неизвестно ни одного городища со славянским материалом VIII-X вв. Именно поэтому, думается, чтобы всё же удержать уличей на Днепре и в X в, известную по летописи осаду уличского города Пересечен Свенельдом связывают с гибелью городища Монастырек, к северу от Роси (Щавелев 2015, 114), хотя, как уже говорилось, эта территория традиционно считается полянской. Впрочем, и Монастырек положения не спасает, поскольку остается найти еще 317 уличских городов из 318, упомянутых у "Баварского географа" для народа *Unlizi* (цит. по Назаренко 1993, 13, 14), с которыми обычно ассоциируют уличей. И самое главное, у Константина Багрянородного южными соседями Руси являются не уличи, а печенеги (см. ниже). Таким образом, если пытаться идентифицировать археологические памятники X в. по письменным источникам, для уличей на Днепре просто не остается места.

Зато славянские укрепленные поселения-городища для времени начиная от X в. хорошо известны западнее, в Подолии, на Южном Буге, а также между Бугом и Днестром, т.е. там, где русские летописи и фиксируют уличей после их ухода с Днепра (рис. 1.10-19). Этот регион в VIII-IX вв. занят памятниками культуры Лука-Райковецкая (Хавлюк 1962; Ляпушкин 1968, 21, 22, 39, 41, 48, 68, 77). В первую очередь это открытые поселения Грабовец-Коржевка (Хавлюк 1962, 116-122; Ляпушкин 1968, 33, № 21), Захарашевка (Ляпушкин 1968, 34, № 26), Сандраки (Березовец 1963, 200; Ляпушкин 1968, 43, № 77), Пятничаны (Ляпушкин 1968, 41, № 68), Кошаринец (Ляпушкин 1968, 39, № 39), Ладыжин (Ляпушкин 1968, 36, № 41), Маньковка (Ляпушкин 1968, 37, № 48), Семенки II (Хавлюк 1962, 122; Ляпушкин 1968, 44, № 81), Соколец (Березовец 1963, 200).

Для VIII-IX вв. в научный оборот введено только одно городище с примыкающим селищем, Григоровка, на р. Котлубанка (левый приток Днестра) (см. рис. 1.18). Городище восходит к скифскому времени, его центральная часть занимает

площадь около 4 га (Артамонов 1955, 100). Славянский материал присутствует как в пределах старых скифских валов, так и за их пределами. Исследованы полуземлянки с лепной (преобладает) и гончарной посудой, металлургические горны. Среди датирующих вещей следует назвать перстень "салтовского" типа (Артамонов 1955, 105, 107-110, 117; Ляпушкин 1968, 22, № 22; Хавлюк 1969, 170, 171). С X века число городищ возрастает. Материалы X в. представлены, в частности, на поселении Немиров, занимавшем мысовую часть древнего скифского городища (Артамонов 1947, 74; Хавлюк 1969, 171), а также на мысовом городище Червоне, площадью 80 x 85 м, с прилегающим селищем. Здесь обнаружены железоплавильные горны. Три диргема-подвески, с 916-917 по 934-935 гг. маркируют дату славянского поселения (Хавлюк 1969, 162-165).

В соседнем регионе между Днестром и Прутом, где принято локализовать летописных тиверцев, для VIII-X вв. чисто городищ несколько выше чем в Подолии. Их здесь известно 23, причем в большинстве случаев (14 памятников) использовались укрепления предшествующих эпох. Городища делятся на круглые, не подчиненные рельефу местности и мысовые. Те и другие имеют подчас сложную планировку и земляные укрепления (Тельнов 2003, 173-193).

Заключение

Разбор летописных упоминаний этнонимов «уличи» (трижды в НІЛ мл. и дважды в ПВЛ) и «тиверцы» (четыре раза в ПВЛ) позволил разделить их на две группы: первичного и вторичного использования. В первую группу входят два пассажа НІЛ мл., где речь идет об уличах, и один пассаж ПВЛ, где названы уличи тиверцы. Большинство упоминаний, числом пять, относятся ко второй группе. В случаях вторичного использования интересующие нас этнонимы фигурируют в известиях, переделанных — в одном случае автором свода 1076 г., в остальных же автором ПВЛ — из летописных пассажей более раннего горизонта, которые при этом меняют контекст и смысл. Очевидно, что свидетельства второй группы исторической ценностью не обладают. Поэтому летописная история уличей (тиверцев) строится здесь всего лишь на трех (вместо восьми) пассажах, к которым добавляются свидетельства Баварского географа и трактата «Об управлении империей», а также данные археологии.

Наш древнейший источник, Баварский географ, содержит данные, относящиеся к 60-80 гг. IX в., до миграции венгров в Паннонию и последующего вторжения в Причерноморье печенегов. Автор трактата, нещедрый на комплименты, описывает уличей как «народ многочисленный» (*populus multus*); единственный другой народ, который он наделяет тем же эпитетом — это дунайские болгары. По числу «городов», 318, уличи выходят на четвертое место среди многих десятков народов, названных в трактате. (Здесь, конечно, не место ставить вопрос о том, кто и как мог эти «города» с такой поразительной точностью подсчитать).

Два (или даже три, если добавить Ипат.) согласных летописных свидетельства о месте проживания уличей подтверждают, что изначально они занимали огромную территорию (хотя и неплотно заселенную славянами). «Глосса» в рассказе о кампании Игоря в НІЛ мл. упоминает отселение уличей с Днепра в междуречье Юж-

ного Буга и Днестра. Автор описания расселения восточных славян в ПВЛ сообщает об уличах тиверцах, в один голос с Баварским географом, что «бѣ множество ихъ» (численность других племен он не комментирует); он помещает их на Днестре и вплоть до Дуная (Лавр.). В позднейшей редакции описания (Ипат.) историческая зона проживания уличей тиверцев распространяется на север до Днепра. В археологическом плане это юго-восточный ареал культуры Лука-Райковецкая.

Обстоятельства миграции уличей, описанной в НІЛ мл., являются предметом давнего спора. Две основные версии были озвучены еще П.И. Шафариком: уличи покинули Приднепровье, дабы избежать подчинения Игорю, или же на полстолетия ранее, под натиском вторгшихся за Днепр степняков: венгров или печенегов¹⁵. Данные археологии обретают решающее значение для разрешения этого спора, выявляя исчезновение открытых славянских поселений к югу от р. Рось в середине—второй половине IX или в самом начале X в. До 40-х гг. X в., когда с уличами воюет князь Игорь, эти поселения не доживают. Напомню также, что, по данным Константина Багрянородного (DAI, ch. 37, ll. 42, 47, p. 168/ стр. 156), печенежская орда Харавои, локализуемая им на правом берегу Днепра, кочевала на расстоянии дня пути от «Росии», той небольшой полосы правобережья Днепра, которую летопись отводит полянам и где обосновывается русь. Никакие уличи на Днепре печенегов и русь не разделяют.

Постоянно растущее с конца IX в. давление кочевников становится определяющим фактором в судьбе племени уличей. Если наложить на карту (ср. Рыбаков 1950, 10), данные Константина Багрянородного о печенежской орде Иавдиертим, которая соседствовала одновременно с уличами, древлянами и лендзянами (в отношении которых я придерживаюсь локализации к западу от древлян), то результат для уличей красноречив и весьма печален. Печенеги полностью занимают междуречье Южного Буга и Днепра, рассекая надвое традиционную зону обитания уличей. Именно на этом фоне, вполне сложившемся к 40-м гг. X в., следует рассматривать поход на уличей князя Игоря. Это уже не те уличи, что некогда противостояли Аскольду и Диру. Выплачивать Игорю кунницу с дыма было для них наименьшее из зол, но защиты от печенегов это не давало. Да и вряд ли киевским князьям пришлось долго собирать с них дань. Проникновение печенегов далеко на север влечет за собой разрушения поселений уличей в среднем/верхнем течении Южного Буга, а с появлением половцев в середине XI в. их земли окончательно пустеют (Кучера 1986, 392-393). Со временем на них поселятся дикие половцы и черные клобуки.

В летописных слоях XI в. уличи или уличи тиверцы помещаются в междуречье Южного Буга и Днестра или даже еще западнее, между Днестром и Дунаем. Эти описания отражают археологическую реальность X и начала XI в., когда славянские поселения, относимые к уличам (или тиверцам), хоть и сокращаясь в числе и отступая от моря, продолжают существовать в Поднестровье под протекторатом

---

¹⁵ Альтернативные версии представлены в работах, рассмотренных Р.А. Рабиновичем (2005, 444 и далее). С миграцией мадьяр (угров) или печенегов связывали отселение уличей с Днепра Н.П. Ламбин, К.Я. Грот, Н.П. Барсов, М.К. Любавский, С.М. Середонин, А.А. Шахматов и многие другие.

Болгарского царства (Козлов 2015, 201). Примечательно, что именно в том контексте, где улицам отводится наиболее западная зона проживания, им также придается дополнительное наименование тиверцы, которое объясняется автором ПВЛ как «толковины», переводчики. Это наименование возникает, вероятно, не ранее X в., и его следует связать с финальным этапом существования племени уличей, все более теснимого кочевниками. Для автора ПВЛ название улицы уже, по-видимому, никаким конкретным содержанием не обладает.

Библиография

Аристов В.Ю., Ранне літописання про уличів, древлян і Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // *Український історичний журнал*, № 6, 2011, 172-182.

Артамонов М.И., Югоподольская экспедиция // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 21, 1947, 74-76.

Артамонов М.И., Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-1953 гг. // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры* 59, 1955, 100-117.

Басаков Н.А., *Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве»*, М., 1985.

Березовец Д.Т., Поселения уличей на р. Тясмине // Рыбаков Б.А. (отв. ред.), *Славяне накануне образования Киевской Руси (= Материалы и исследования по археологии СССР № 108)*. М., 1963, 145-208.

Бобров А.Г., Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Бодянский О.В., Звіт за археологічні відкриття і дослиди в Надпоріжжі за 1953 рік // Архив НАНУ 49, 1953.

Бойцов М.А., Священный венец и священная узда императора Гонория // *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников* / Отв. ред. Р.М. Шукуров, М., 2009, 267-336.

Брайчевская А.Т., Поселение у Балки Яцевой в Надпорожье // Рыбаков Б.А. (отв. ред.), *Славяне накануне образования Киевской Руси (= Материалы и исследования по археологии СССР № 108)*, М., 1963, 251-282.

Вилкул Т.Л., Новгородская первая летопись и Начальный Свод // *Palaeoslavica*, 11, 2003, 5-35.

Вілкул Т.Л., *Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийського літописання*, К., 2015.

Гавритухин И.О., Датировка начальных фаз культуры Луки-Райковецкой // Гавритухин И.О., Обломский А.М., *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст*, М., 1996, 136-139.

Гимон Т.В., Редактирование летописей в XIII-XV вв.: Разнотечения между списками Новгородской 1 летописи // *ТОДРЛ* 57, 2006, 112-125.

Гиппиус А.А., Рекоша дружина Игоревы: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*, 25, 2001, 147-181.

Гиппиус А.А., До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Н.А. Макаров (отв. ред.), *Русь в IX-X веках: археологическая панорама*, М.—Вологда, 2012, 37-63.

Горский А.А., Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // *Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995 год*, М., 1997, 271-282.

Горский А.А., Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.». // *Ad fontem / У источника. Сб. статей в честь С. М. Капитанова*, М., 2005, 147-152.

Данилевский И.Н., Восточнославянские «племенные союзы»: реальность или летописная легенда? // *Книга картины земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой* / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова, М., 2014, 66-75.

Даниленко В.Н., Раннеславянские памятники на Днепровских порогах (по раскопкам 1953 г.). // Архив ИА НАНУ 1953/4а, ф. эксп. № 2102.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі, К., 1985.

Истрин В.М., Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // *Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук*, 26, 1921 (1923), 45-102.

Истрин В.М., *Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*, Том II, Пг., 1922.

Казанский М.М., Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Обломский А.В. (отв. ред.). *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов*, М., 2014, 45-137.

Козлов В.И., *Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII—начала XI веков н.э.: балкано-дунайская культура*, Казань—СПб—Кишинев, 2015.

Козлов С.А., Константин Багрянородный о печенежских «фемах» (DAI. сар. 37) и проблема его источников // *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти В.Т. Паушто (Москва, ИВИ РАН, 18-20.04.2012 г.)*, М., 2012, 113-120.

Комар А.В., Киев и Правобережное Поднепровье // Макаров Н.А. (отв. ред.), *Русь в IX-X веках. Археологическая панорама*, М.—Вологда, 2012, 300-334.

Константин Багрянородный, *Об управлении империей* / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосильцева, М., 1989.

Кухаренко Ю.В., Раскопки у с. Сахновки // Рыбаков Б.А. (отв. ред.), *Славяне накануне образования Киевской Руси* (= *Материалы и исследования по археологии СССР № 108*), М., 1963, 243-250.

Кучера М.П., Городища // *Археология Украинской ССР*, т. 3, К., 1986, 372-396.

Линка Н.В., Шовкопляс А.М., Раннеславянское поселение на р. Тясмине // Рыбаков Б.А. (отв. ред.), *Славяне накануне образования Киевской Руси* (= *Материалы и исследования по археологии СССР № 108*), М., 1963, 234-242.

Ляпушкин И.И., *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX вв.)* (= *Материалы и исследования по археологии СССР № 152*), Л., 1968.

Мельникова Е.А., Росы и их пактоты в трактате «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного // *По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина*, М., 2014, 75-88.

Менгес К.Г., *Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*, Л., 1979.

Михайлина Л., *Слов'яни VIII-X ст. між Дніпром і Карпатами*, К., 2007.

Молчановский Н., *Очерк известий о Подольской земле до 1434 года*, К., 1885.

Надеждин Н.И., О местоположении древнего города Пересечина, принадлежащего народу угличам // *Записки Одесского Общества истории и древностей*, т. I, 1844.

Назаренко А.В., *Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.: тексты, перевод, комментарий*, М., 1993.

Назаренко А.В., *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX-XII веков*. М., 2001.

Петрашенко В.О., *Слов'янська кераміка VIII-IX ст. Правобережжя Середнього Подніпров'я*, К., 1992.

Плетнева С.А., *От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура* (= *Материалы и исследования по археологии СССР, № 142*), М., 1967.

Приходнюк О.М., Казанський М.М., Керамічні комплекси поселення Луг I на Тясміні. *Археологія* 27, 1978, 43-47

Приходнюк О.М., *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е.*, К., 1980.

Рабинович Р.А., “Волки” русской летописи (о тотемическом происхождении этнонима “уличи”) // *Стратум: структуры и катастрофы*, Кишинев—СПб., 1997, 178-199.

Рабинович Р.А., «Поганые толковины». О происхождении тиверцев // *Stratum plus*, № 5, 2011, 89-106.

Рабинович Р.А., Уличи и тиверцы в оценках историографии // *Stratum plus*, № 5, 2003-2004 [2005], 440-484.

Рабинович Р.А., В поисках достоверной локализации летописного Пересечена // *В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой*. СПб., 2017, 485-498.

Русанова И.П., *Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом (= Свод Археологических источников, Вып. Е1-25)*, М., 1973.

Русинов В.Н., «Великая скифь» и «Пургасова русь» древнерусских летописей // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История*, 2006, вып. 2(6), 79-93.

Рыбаков Б.А., Уличи (историко-географические заметки) // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXXV*, 1950, 3-17.

Рычка В., «Великая Скуфь» // *Ruthenica* 8/9, 2009, 188-191.

Седов В.В., *Восточные славяне в VI-XIII вв.*, М., 1982.

Седов В.В., *Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование*, М., 1999.

Смиленко А.Т., *Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.)*, К. 1975.

Соловьев А.В., Великая, Малая и Белая Русь // *Вопросы истории* № 7, 1947, 24-38.

Стефанович П.С., Древлянская дань киевским князьям // *По любви, в правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина*, М., 2014, 19-74.

Творогов О.В., Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий) // *ТОДРЛ* 30, 1976, 3-26.

Тельнов Н.П., Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII-X вв. // *Stratum plus*, № 5, 2001-2202 (2003), 142-263.

Тельнов Н.П., Степанов В.П., Тиверцы, уличи, хорваты и Киевская Русь // *«И ... разошлись славяне по земле»*, Кишинев, 2002, 36-66.

Тихомиров М.Н., Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // *Славянский сборник*, М. 1947, 125-201.

Толочко, А.П., О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica* 5, 2006, 73-87.

Толочко, А.П., *Очерки начальной Руси*, К.—СПб., 2015.

Хабургаев Г.А., *Этнонимия "Повести временных лет"*, М., 1979.

Хавлюк П.И., Славянские поселения VIII—начала IX веков на Южном Буге // *Археологический сборник Эрмитажа* 4, 1962, 116-126.

Хавлюк П.И., Древньорускі городища на Південному Бугі // Бідзіля В.І. (відп. ред.), *Слов'яно-руські старожинності*, К., 1969, 156-173.

Цукерман К., Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря // *Ruthenica* 2, 2003, 53-84.

Цукерман К., Перестройка древнейшей русской истории // *У истоков русской государственности: историко-археологический сборник*, СПб., 2007, 343-351.

Цукерман К., Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // С. Zuckerman, éd., *Collectanea borisoglebica = Борисо-Глебский сборник, fasc. 1 (Occasional Monographs published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies 2)*, Paris, 2009, 183-305.

Шахматов А.А., *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, СПб., 1908; переиздано: А.А. Шахматов, *История русского летописания*, т. 1: *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*, кн. 1, СПб., 2002.

Шахматов А.А., *Повесть временных лет*. Т. 1. *Вводная часть, текст, примечания*, Пг. 1916; переиздано: А. А. Шахматов, *История русского летописания*, т. 1: *Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды*, кн. 2: *Раннее русское летописание XI-XII вв.*, СПб., 2003, 527-977.

Шахматов А.А., *Древнейшие судьбы русского племени*, Пг., 1919.

Шахматов А.А., «Повесть временных лет» и ее источники // *ТОДРЛ* 4, 1940, 9-150.

Щавелев А. С., Славянские "племена" Восточной Европы X—первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* № 2 (18), 2015, 99-133.

Bushkovitch P., Rus' in the Ethnic Nomenclature of the Povest' vremennykh let // *Cahiers du monde russe et soviétique* 12, 1971, 296-306.

Gippius A., Reconstructing the Original of the Povest' vremennyx let: a Contribution to the Debate // *Russian Linguistics* 38, 2014, 341-366.

Hanewinkel Chr., *Die politische Bedeutung der Elbslawen im Hinblick auf die Herrschaftsveränderungen im ostfränkischen Reich und in Sachsen von 887 bis 936. Politische Skizzen zu den östlichen Nachbarn im 9. und 10. Jahrhundert.* Dissertation, Münster 2004 (в свободном доступе).

Howard-Johnston, J., The De Administrando Imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckerman (éd.), *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, Paris, 2000, 301-336.

Martin J., *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia*, Cambridge, 1986.

Ostrowski D., *The Pověst' vremennykh let: an Interlinear Collation and Paradosis*, 3 vol., Cambridge, Mass., 2003.

Rossignol S., Überlegungen zur Datierung des Traktates des sog. Bayerischen Geographen anhand paläographischer und kodikologischer Beobachtungen // F. Biermann, Th. Kersting, A. Klammt (Hrsg.): *Der Wandel um 1000*, Langenweissbach, 2011, 305-316.

Sorlin I., Voies commerciales, villes et peuplement de la Rusia au Xe siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète // M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckerman (éd.), *Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, Paris, 2000, 337-355.

Spinei V., *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century*, Leiden—Boston 2009.

Tolochko O., The Primary Chronicle's 'Ethnography' Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of Rus' State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe*, edited by Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary and Przemysław Urbańczyk, Turnhout, 2007, 169-188.

Wortley J., C. Zuckerman, The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle // *Византийский временник* 63, 2004, 67-75.

Zuckerman C., On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines* 53, 1995, 237-270.

Zuckerman C., Sur la Liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création des diocèses // *Mélanges Gilbert Dagron (= Travaux et Mémoires* 14), Paris, 2002, 617-637.

Zuckerman C., On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica* 10, 2011, 7-56.

Zuckerman C., The Eleventh Century in De administrando imperio // *Travaux et Mémoires* 21/2, 2017 (in print).